

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Галина Владимировна Романова
Пока смерть не разлучит нас
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183298

Романова Г. В. Пока смерть не разлучит нас : роман: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-36529-6

Аннотация

Бизнесмен Николай Бобров чувствовал себя полным дураком. Так долго присматривался к хорошенькой секретарше Виктории, даже о женитьбе подумывал и только теперь узнал, что она уже два года живет в любви и согласии с каким-то безработным Виктором. С досады Бобров решил организовать слежку за счастливым соперником. И... невзначай из законопослушного человека превратился в подозреваемого в убийстве. Потому что вскоре Виктор неожиданно покончил с собой, оставив записку: «Я сам». Только Вика в самоубийство не верила и убедила в этом следователя...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	33
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Галина Романова

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Глава 1

Он давно уже заработал себе репутацию человека доброго и порядочного. К нему шли за советом, от него ждали помощи и никогда предательства. Сколько лет было этому мнению, он затруднился бы ответить. То ли со студенчества тянулся за ним шлейф его добрых дел, когда он за спасибо строчил ночами курсовые и давал деньги в долг без отдачи. Может, чуть позже пришла к нему слава мецената, когда он после армии основал фирму, буквально за два года сделал ее прибыльной и собрал вокруг себя штат сотрудников из друзей, у которых что-то не клеилось и не складывалось.

Неизвестным для него оставалось, с какого дня, часа, минуты стал он вдруг для всех если не национальным героем, то лицом, весьма приближенным к этому статусу. Неизвестным и оттого еще более противным. Знал бы, проклял бы во веки веков тот день, час, минуту. Проклял бы и предал забвению.

Почему?

Да потому что не хотел Бобров Николай Алексеевич этого больше. Не хотел, потому что устал, потому что осточертело быть добрым, отзывчивым, всегда готовым к подвигу. Он всю жизнь тянул на себе непосильную ношу из собственной непомерной ответственности. Всю жизнь с его шеи свисали чьи-то ноги. Всем и всегда он непременно был что-то должен. Кому денег дать, кого в престижную школу устроить, кого кому-то порекомендовать, кому с жильем помочь, кого в университет протолкнуть вне конкурса. Своей собственной жизни у него будто бы и не было вовсе, ее за него проживала его супруга с двумя детьми, а также многочисленные родственники, племянники, дети племянников, кузины и кузены и дети кузенов и кузин. Все они жили за счет своего благодетеля, коим он для них являлся, и никто...

Ни одна из этих сволочей, которых уже несколько последних лет Бобров вдруг стал тихонько про себя ненавидеть, не спросила, а чего же хочется ему? Чем он живет? Что ему снится, о чем он мечтает? Никто не спросил и не спросит никогда, он знал об этом. Все считали его благородным! Все считали, что он счастлив уже тем, что творит вокруг себя добро и благодеяния.

А он, может, совсем другого счастья хочет! Не приторного сюсюканья многочисленной родни, справляющейся о его здоровье только в своих корыстных интересах – чем дольше он живет, тем дольше не оскудеет его дающая рука. А самого простого участия. И чтобы руку ему на лоб положили и

обругали бы даже за то, что он ноги вчера на рыбалке промочил, а теперь вот затемпературил. И обругали бы не за то, что завтра важная встреча из-за его хворобы срывается, а за то, что осложнение может быть от простуды, и что ему беречь себя необходимо, ведь он еще совсем молод, и ему еще жить и жить.

Этого у Боброва никогда не было. В смысле, простого незатейливого участия. Он сам его обычно проявлял, потому что ему это делать было положено.

– Николай Алексеевич, – позвал его через селектор нежный голос секретарши, – на второй линии ваша жена. Соединять?

Бобров поморщился и кивнул тут же:

– Соединяй, Виктория. Да, и сделай мне, пожалуйста, чай с лимоном и медом. Хорошо?

Сказал и замер возле стола, ожидая ее простого участливого вопроса. Она не могла не обеспокоиться, не могла! Она была очень хорошей, милой и простой девушкой, не испорченной алчностью, завистью, тщеславием. И его она очень жалела. Чисто по-человечески жалела, а не потому, что ей было что-то от него нужно. И ее жалость, как ни странно, никогда не казалась Боброву унижительной. Он жаждал ее жалости, а в последнее время все острее и острее.

Сегодня Виктория ни о чем его не спросила...

– Да, Маргарита, – взял он телефонную трубку. – Что случилось? Почему ты звонишь?

– Коленька, разве нужно непременно чему-то случиться, чтобы я тебе позвонила? – игриво поинтересовалась жена. Точно, чего-то просить станет, она перед просьбами своими всегда игрища устраивает, тьфу на них. – А может, я соскучиться успела. Ты ведь сегодня дома не ночевал.

– Ты, кстати, тоже, – напомнил Бобров с кислой улыбкой.

Слышать голос жены ему было невыносимо скучно. Он двадцать лет его слушал, знал все его модуляции и, главное, знал, что каждая из них означает. Сейчас вот ей точно нужно денег. Не стала бы звонить ему в десять тридцать утра, она в это время только глаза успевала продрать. И тем более упрекать его в том, что он не ночевал дома, не стала бы.

Да, он уехал за город, потому что задыхался уже в городской квартире, без конца натыкаясь на ждущие глаза своих детей и их приятелей. Приятелям своих детей Бобров тоже помогал. И ему вчера срочно приспичило побыть одному и подумать о делах, о жизни своей вообще, которая как будто мимо него ходко трусила.

Он и уехал. Так ведь с Маргаритой созвонился предварительно. Узнал, что у той на него никаких абсолютно планов и она сама у матери ночевать остается. Чего же теперь представления с упреками устраивать.

– Сколько? – вдруг спросил он, устав слушать от Маргариты про тещины недуги.

– Что сколько? – Жена явно насторожилась, в таком ключе ее Коленька никогда не позволял себе с ней разговаривать.

– Сколько тебе надо, Рита? Ты ведь звонишь так рано, потому что тебе нужны деньги.

Бобров поставил левый локоток на стол, подпер полный подбородок мясистой ладонью и с неприязнью покосился на обручальное кольцо на безымянном пальце правой рукой. Когда-то оно свободно ерзало по пальцу, и он даже пару раз едва не потерял его на природе, намыливая руки на берегу реки. С возрастом прибавил в весе, несмотря на всевозможные усилия в тренажерных залах и диетические ухищрения, кольцо садилось на палец все теснее и теснее. Теперь вот и вовсе почти вросло. Бобров сколько ни намыливал палец, снять его так и не смог.

– Окольцованы, Николай Алексеевич, намертво, – пошутил тут недавно его массажист. – Никуда теперь не деться!..

А он вот был не согласен. Ему хотелось деться, хотелось избавиться от этого кольца и от всех обязательств, с ним связанных. Бунта хотелось, да такого, чтобы некоторые самые стеснительные стыдливо краснели, передавая из уст в уста полупшепотом подробности этого самого бобровского бунта.

А почему ему нельзя, собственно? Почему?! Почему артистам, писателям, режиссерам и музыкантам позволительно жен менять как перчатки, а ему нет? Потому что он не так харизматичен, что ли? Или потому, что к нему намертво репутация порядочного благородного человека прилипла, оттого и нельзя? Или потому, что у них с Риткой двое детей и ломать им жизнь своим разводом они не имеют права?

Так это тоже не аргумент. Сыну восемнадцать лет, дочери шестнадцать, не сегодня завтра сами начнут жениться и замуж выходить, а терпимости в современной молодежи – кот наплакал. Так что сами разводами родителей не раз смогут удивить.

– Какой ты! – вздохнула притворно жена, прохныкала что-то невразумительное, а потом обронила, как бы ненароком: – Пять тысяч, Коленька.

– Пять тысяч? Рублей? – не сразу понял Бобров просьбы.

– Смеешься! Каких рублей, милый?! – Маргарита занервничала. – Мне нужно пять тысяч долларов.

– Зачем так много? – удивился он. – Ты ведь на прошлой неделе брала у меня почти столько же, сказала, что на месяц тебе вполне хватит.

– Ну, Коля!!! – воскликнула жена с раздражением. – Ты что, меня не слушал вовсе?! Я же тебе сказала, что мама заболела! Необходимы лекарства, сиделка и...

Сам-то Бобров был уверен, что на Риткиной матери смело можно пахать. Всю свою жизнь его теща посвятила тому, что воспитывала в дочери непомерные амбиции, меняла богатых мужей и отдыхала по заграницам. Теперь в свои неполные шестьдесят она выглядела ровесницей своей дочери и, кажется, в очередной раз готовилась посетить загс. Наверняка старой гримзе – Бобров ее стойко не любил – понадобились костюм или платье для того, чтобы сразить наповал очередного избранника, вот Ритка у него и кланчит. Как же

они ему все...

– Николай Алексеевич, ваш чай.

Дверь его кабинета распахнулась, и Вика вкатила небольшой столик с чайником, хрустальной вазочкой меда и блюдцем с лимонной горкой. Как у нее получалось так ловко и тонко настрогать лимон, что он потом крохотной пирамидкой послушно высился на тарелке, не разваливаясь и не сползая?

– Выпейте, пока горячий, – произнесла секретарша одними губами и тут же добавила: – Опять простудились, Николай Алексеевич! Совсем себя не бережете.

А интересно, она бы его берегла, тут же спросил сам у себя Бобров, благодарно ей улыбаясь. Берегла бы его, заботилась бы? Разрешала бы в непогоду отправляться на рыбалку, только бы он ей дома не мешал? Или встала бы у двери, загораживая проход, и тоном старшей сестры приказала бы немедленно занять свое место на диване?

– Ладно, Маргарита, дома обсудим твои потребности, – чуть строже, чем обычно, сказал Бобров, вешая трубку.

Почему-то ему важно было, чтобы Виктория слышала, что он спуску своим домашним не дает и на поводу у них особенно не скачет. Хотя на самом-то деле все так и было: и давал, и скакал, и помогал, помогал, помогал бесконечно, даже самому теперь тошно стало.

– А мед какой: липовый или цветочный? – поинтересовался у секретарши Николай Алексеевич, чтобы задержать

ее в своем кабинете чуть дольше.

– Мед магазинный, Николай Алексеевич, – улыбнулась Вика уже от двери. – Вы его маленькими ложечками... Подержите немного во рту, потом чаем запейте. Если горло болит, это помогает. На рыбалке вчера были?

– Да... Нет... – ответил он рассеянно, рассматривая ее пристально и даже чуть придиричливо. – А почему ты решила, что я был на рыбалке, Вика?

Придаться было не к чему, она была чудо как хороша. Во всяком случае, для него. Ему всегда нравились такие вот невысокие крепенькие брюнеточки с небольшой грудью. Грудастых баб Бобров не любил. Они его подавляли, как вон Ритка, много лет. Ритка вообще была полной противоположностью его идеала женской красоты.

Он любил брюнеток, Ритка же была светлой шатенкой и к тому же всю свою жизнь высветлялась до платиновой блондинки. Предпочтение им в молодости отдавалось невысоким, а Ритка вымахала в метр восемьдесят два. И худой была до ужаса. И все что-то подтягивала, соскребала с себя, отсасывала, растрчивая его честно заработанные деньги на пластических хирургов. И глаза ему у женщин нравились темные. У Виктории были темно-зеленые – красивые. А у жены глаза были прозрачные какие-то, будто пустые...

– Я звонила вам, Николай Алексеевич, вчера вечером, – произнесла виновато Вика.

– Да? – Он удивился, такое случилось крайне редко. – Что-

то произошло?

– Уже нет, – она качнула головой. – Уже все в порядке.

Ох, сколько бы он отдал, чтобы вернуть вчерашний вечер, заставивший его уехать в их загородный дом. Чем бы ни пожертвовал, лишь бы его настиг ее поздний звонок.

Ведь она же хотела попросить его о чем-то, это точно! А она никогда его не просила ни о чем, никогда! А работали они вместе уже более пяти лет. Он много раз ей свою помощь предлагал, она отказывалась. И тут вдруг она ему вчера вечером позвонила, чтобы попросить о чем-то, а его дома не оказалось.

– А чего на мобильный не позвонила, Вика? – укорил ее Бобров.

– Это неудобно, – покачала она снова головой.

– Так что, что стряслось-то?!

– Уже все нормально, – упрямо повторила она.

– Нет, так не пойдет, Виктория. – Бобров строго шлепнул ладонью по столу, он мог быть строгим, когда этого требовали обстоятельства. – Я хочу знать все о твоих проблемах!

– Хорошо, – она испуганно покусала нижнюю губу. – Я хотела попросить вас устроить моего мужа на работу к нам. Дело в том, что у него в фирме проблемы и...

– Кого устроить?! Мужа??? Ты замужем?! – Бобров выпучил глаза, едва не задохнувшись. – Вика, когда?.. Когда ты вышла замуж?!

– Да уже два года, – она растерялась. – Я уже два года

замужем за Виктором.

– А почему я этого не знал? – Он почувствовал, что закипает, снова все мимо него, снова все мимо. – Кольца ты не носишь, фамилия осталась прежней, даже на свадьбу не пригласила!.. И тут вдруг оказывается, что ты уже два года замужем! Это как-то неправильно, что ли!

– Может быть, вы и правы, – она погрустнела. – Виктор мой гражданский муж, и свадьбы у нас никакой не было. Сошлись и живем. Кольца оттого нет, и фамилия у меня прежняя. Но я счастлива с ним, Николай Алексеевич, поэтому считаю все остальное ненужными формальностями.

– Да, да. – Он громко отхлебнул из чашки, обжегся, недовольно сморщился и приказал: – Ты иди, Вика, иди, я позову, если что.

Она ушла, а он тут же уронил чашку прямо себе на колени. Конечно, обжегся, и пятно на дорогих брюках поставил. Он не любил неопрятности и едва не захныкал, но сразу сумел забыть об испорченных брюках.

Не это сейчас заботило и угнетало, а другое.

Как же он теперь станет мечтать втихаря о ней, а?! Как будет строить планы, что подаст на развод с Маргаритой – та не могла не согласиться, условия он для нее готовил идеальные, – как же теперь под вечернюю рюмку коньяка он станет дни считать до того момента, когда вызовет Викторю в свой кабинет и...

«И» уже не случится, потому что его мечта оказалась уто-

пией!

Да, он может частично воплотить ее в действительность. К примеру, развод оформить. С женой разъехаться по разным домам. И даже Вику может вызвать в кабинет и, пользуясь своим начальствующим правом, принудить ее к роману. Это ведь теперь обычное дело, когда босс говорит своей секретарше: либо спи со мной, либо увольняйся. Он мог бы все это сделать, но...

Нет! Не мог! Он не мог себе этого позволить, хоть плачь!!!

Не просто же так к нему клеймо добропорядочного гражданина и приличного мужика прилепилось, не просто так. Чем-то он заслужил такое право. Из каких-то его нечаянных промахов, обнаживших его потаенное, трепетное и честное, оно сложилось. И каким бы гадом он теперь ни захотел казаться, ему всяк и каждый будет орать – не верю!

Потому-то вот и Ритку травмировать за здорово живешь смысла не видел. К чему разводиться, мучить ее и настраивать против себя детей, если будущего с Викторией у него нет? И приказать своей секретарше спать с ним, пользуясь своей властью и деньгами, Бобров тоже не мог. В любви ведь либо по согласию, либо никак. Именно так считал он всю свою жизнь. Здесь не может быть никакого принуждения.

Ах, Вика, Вика, когда же ты успела-то, а?! И кто же это такой шустрый – Виктор, кажется?

Наверняка дрянь какая-нибудь, решил он тут же, вспомнив, что гражданский муж уже нагружает Викторию пробле-

мами. Она ведь даже решила его – Боброва – попросить о чем-то, хотя никогда прежде не позволяла себе подобных вещей.

Допек, стало быть! Допек, загнал в угол, заставил ее унижаться перед своим работодателем! Дрянь и неудачник, который при каждом удобном случае спешит переложить свои проблемы на хрупкие плечи жены.

Конечно, неудачник!

Бобров вдруг повеселел, вспомнив, что муженек-то ее безработный теперь, кажется. Она ведь насчет трудоустройства хотела за него хлопотать, не так ли? Да, точно! Стало быть, доработался до того, что никуда его уже не берут, и их фирма осталась последним шансом для этого Виктора дрянного.

Ну, ничего! Он еще с ним поборется! Муж, понимаете ли, гражданский! Невидаль какая! Чего же не расписывается с ней, а? Кольца почему не дарит, фамилию свою почему ей не предложил вместе с сердцем и телом?

Чувства подобным образом проверяют, стало быть! А чего их проверять? Они либо есть, либо их нет вовсе! А что касается совместимости...

Характерные сейчас все! Это раньше все в строгости у мамы с папой воспитывались, а теперь личность подавлять нельзя уже с пеленок. Комплексы будто уже в утробе матери формируются, а этого допускать никак нельзя. Вот потому-то и с амбициями все непомерными – его детки, кстати,

тоже не исключение – и с капризами. Оттого и характер у девяти из десяти не мед и не сахар. Так надо прилаживаться как-то, чем-то уметь поступаться. Ведь если есть чувства, разве это трудно? Разве трудно попросить прощения, к примеру, если обидел? Разве трудно помочь в чем-то, если в помощи твоей нуждаются? Главное, чтобы чувства были! А уж гонор свой, считал Бобров, можно и подавить ради любимого человека.

Он-то вот с Риткой быстро общий язык нашел. Вернее, языком все больше она молола, а он только кивал, будто соглашался. Делал потом все по-своему, но все равно кивал. Знал, что это ей приятно, вот и кивал. А что толку орать было, спорить, пытаться отстоять свою точку зрения?! Это с Риткой-то?! Да она никого никогда, кроме себя, не слышала. И если бы даже он попытался до нее докричаться через громкоговоритель, дело было бы – швах. Поэтому он молчал и кивал, а делал все всегда по-своему.

А почему он так делал? А все потому, что любил ее! Боялся обидеть, боялся сделать ей больно. Вот и молчал всю жизнь и кивал. А теперь...

А теперь либо разлюбил ее, либо молчать устал, но кивать что-то Боброву расхотелось. Захотелось Вику, милую, добрую, красивую и смышленную.

И тут вдруг какой-то неведомый Виктор, понимаешь!
– Вика, скажи, чтобы Чаусов ко мне зашел, – приказал он по внутренней связи, недолго поразмышляв.

– Который?

Она не была бестолковой, его милая, не сбывающаяся пока мечта, она была очень умненькой и рассудительной. И она правильно спросила его – «который», потому что Чаусовых у них в фирме было двое. Отец и сын. Отец заведовал автопарком. Сын возглавлял службу безопасности.

– Иван, Иван пускай зайдет. – Это он так сына называл, без отчества.

Пускай он его еще заслужит! Отец вот его заслужил, и то Бобров ему вечно тыкал и Степаном звал. Станет он какого-то тридцатилетнего пацана по отчеству! Еще чего!

О приходе Ивана Вика доложила уже через пять минут.

– Разрешите, Николай Алексеевич? – Иван заглянул в приоткрытую дверь.

– Входи, Вань, входи, – разрешил Бобров, с прищуром разглядывая своего подчиненного.

Нет, ну что хорошо, то хорошо! Вот такого мужика Бобров Виктории бы еще простил: высокий, крепкий мускулами, с мозгами все в полном порядке, физиономия опять же – не урод. Да и свой, елки-палки! На глазах рос, просиживая в транспортном у отца все каникулы.

А то Виктор какой-то безработный! Что за Виктор? Откуда взялся? Когда успел их красавицу у них из-под носа увести? Здесь, понимаешь ли, только мечта вырисовываться стала, как из-под гнета собственной добропорядочности выбраться, а тут Виктор какой-то!..

– Ты присядь, Вань, присядь. – Бобров указал пухлой ладонью на стул напротив. – Разговор есть к тебе серьезный.

Иван уселся напротив и внимательно уставился на босса.

– Вань, ты вот ответь мне, только честно... – Бобров мягко улыбнулся, а когда он так улыбался, многих слеза прошибала. – Не соврешь?

– Никак нет! – не ответил, а прямо протявкнул сторожевым псом Иван.

– Как тебе наша Виктория?

– Которая? – Чаусов заметно напрягся.

Викторий в фирме было тоже две. Одна у программистов худой зад просиживала. Невзрачненькая такая девчущка, худенькая, сизая какая-то. Давно бы Бобров нашел способ задвинуть ее куда-нибудь подальше, чтобы глаза не мозолила, да талантлива была до невероятного.

Вторая Виктория – понятно, где трудилась.

– Виктория Мальина, секретарша моя, – не без раздражения пояснил Бобров.

– А-а, – Иван с облегчением выдохнул. – Ясно!

– Что ясно-то?! Как тебе она?

– В каком смысле? – Симпатичное лицо Чаусова снова сделалось настороженным, а взгляд захлопнутым для проникновения извне.

– Ну... Ну как женщина, я не знаю! – вспылил Бобров, злясь скорее на себя самого, что затеял все это. – Как человек!

– Нормально вроде. В порядке будто, – осторожно похвалил Иван.

– Вроде! Будто! Ты вообще нормально говорить можешь?! Нравится тебе наша Вика или нет?

– Честно? – Чаусова снова отпустило смущение, и он даже улыбнулся, сверкнув золотой коронкой на левом клыке.

– Честно, честно! – заторопил его Бобров, он и ждал, и одновременно страшился его ответа.

– Это не мой тип. – Иван потер затылок и виновато пожал плечами. – Если вы в смысле сосватать меня с ней, то пустое дело. Я беленьких люблю, высоких. И не таких серьезных, как Мальвина.

– Сосватать! – передразнил его Бобров, с облегчением хмыкнув, и тут же, будто не услышал ничего про блондинок, воскликнул: – Опоздал, милый друг! Уже сосватали, да не вчера, а два года назад!

– Как это? – ловко разыграл удивление Иван, хотя ему было по барабану семейное положение Виктории.

– А вот так! Затеял с ней сейчас разговор насчет одного своего холостого знакомого. Молодой перспективный малый, из хорошей опять же семьи... – начал врать Бобров, как по писаному. – А она мне – я, говорит, уже два года замужем, Николай Алексеевич!

– А как же фамилия? И кольца у нее нет! – тут уж Чаусов не играл, удивился по-настоящему. – Да и не видел я никогда, чтобы муж ее с работы встречал или провожал.

– Вот и я о том же! – обрадованно подхватил Бобров. – Что это за муж такой подпольный? Как это можно ее не встретить и не проводить? Она же иногда задерживается, так ведь?

– Так точно!

Иван растерянно моргал, совершенно не понимая, куда клонит шеф. А он куда-то клонил, сомнений не было. Куда-то ловко направлял его, но не подсказывал, видимо, хотел, чтобы начальник его охранной службы сам додумался. Что-то в мозгах забрезжило, и Чаусов осторожно предложил:

– Может, проследить за ним, а, Николай Алексеевич?

– За кем? – будто бы не понял Бобров, а сам едва не расцеловал в крутой крепкий лоб своего секьюрити.

– За мужиком Викиным, – начал развивать тему Иван, поняв, что попал в самое оно. – Кто знает, что за аферист! Прицепился к ней и живет два года, никак себя не проявляя. Вдруг он на жилплощадь ее метит?

– Думаешь? – Бобров сделал озабоченное лицо. – Да, может быть. Слышал, Виктории от бабки дом в пригороде достался.

– Верно! И дом очень хороший, между прочим.

– Откуда знаешь? – тут же прицепился ревнивый Бобров. – В гостях, что ли, был?

– Да нет, в гостях не был, но подвозил ее как-то, когда она задерживалась допоздна, – признался Чаусов, которому очень не хотелось вспоминать тот случай, когда он получил от секретарши решительный отпор. – Дом не новый, но доб-

ротный, большой, в два этажа. Сад опять же, земли много. Тот район со временем, болтают, весь под снос пойдет.

– Вот! Вот, может быть, в чем причина! – Бобров обеспокоенно заерзал. – Земля нынче в цене, а Вика... Она одна ведь совсем. Бабка ее воспитывала. Теперь умерла. Ни сестер, ни братьев, ни теток, никого! А этот ее муженек гражданский, которого никто и не видел за два года ни разу, вполне может охотиться как за домом самим, так и за землей, на которой тот дом стоит.

– Вполне, – кивнул согласно Иван, начиная понемногу проникаться озабоченностью руководства.

– И вот слушай теперь, Ваня, мое тебе задание...

Бобров нарочно полез в стол, выудил оттуда папку с какими-то бумагами, раскрыл ее, зашелестел страницами. Потом, словно найдя нужную, внимательно ее будто бы прочел и, ткнув пальцем в середину текста, приказал:

– Ты должен будешь за этим парнем проследить.

– Понял, – кивнул Иван, ничего вообще не понимая, очень сильно озадачил его неведомый документ, в котором было прописано для него это задание.

– Никому не перепоручай, все сделай сам, – продолжил цитировать ему документ Бобров, нацепив очки для пущей убедительности. – Походи за ним, присмотришь, пощелкай фотокамерой. Кто он, что он, чем занимается, откуда родом, образование... Одним словом, нам... – Здесь Бобров вообще понизил голос до шепота, делая ударение на слове «нам». –

Важно знать о нем все! Вплоть до того, что он предпочитает есть на завтрак и какого цвета у парня белье. Все понятно?

– Так точно! – Иван вскочил со стула и вытянулся, как в армии перед сержантом.

– Молодец, – Бобров захлопнул папку, убрал ее обратно в стол и кивнул осторожно на дверь кабинета. – Только смотри, чтобы Вика ни сном ни духом! Иначе она нам никогда этого не простит. А обижать такую хорошую девушку нам не резон. Все понял?

– Так точно! – повторил Иван.

– Все, приступай к выполнению задания.

– А когда приступать? – растерялся Чаусов, у него на сегодняшний вечер планы, между прочим, имелись грандиозные.

– С этой минуты и приступай. Обо всем докладывай мне лично по мобильному. И только я могу скомандовать тебе отбой, понял?

– Так точно!

– Все, иди и до связи. – Бобров сморщился виновато в спину Чаусову и еще раз предупредил, перед тем как тот успел выйти: – Осторожность, Ваня! Соблюдай предельную осторожность! Чтобы ни одна живая душа...

Глава 2

Виктория Мальина, дожившая до тридцати лет, успевшая к этому времени дважды осиротеть: первый раз, когда умерли родители один за другим, второй, когда умерла ее бабушка, – и давно уже потерявшая веру в то, что каждому воздается за дела его, счастливо улыбалась, бредя по заснеженному тротуару к своему дому.

Вот никогда бы она не подумала, что будет так бесподобно, так безгранично и так беззаботно счастлива с совершенно чужим человеком! Он не был ее родственником, ни дальним, ни близким. И общих знакомых у них даже не было. Отчего же так? Отчего совершенно чужой незнакомый человек вдруг оказался способен сделать ее такой счастливой?

Счастью ее всего-то ничего – каких-нибудь два года, но оно было таким огромным, таким красивым, разным и радужным, что иногда напоминало ей картинку калейдоскопа, от смены которых у нее захватывало дух. И еще оно так заполняло каждую выстуженную ее нелепой жизнью клеточку, что ей порой казалось, что счастье это давно и надежно поселилось в ней и не исчезнет уже никогда. Надежным оно было, вот!

И ей больше никогда не будет больно, казалось Виктории. Она перестанет ждать страшных диагнозов врачей. Ужасных сообщений по телефону в ее жизни больше не будет. И по-

стоянный запах лекарств навсегда испарится из дома. Старые стены вдруг станут добрее к ней, не будут уже смыкаться над головой темным растрескавшимся потолком, который давит, давит так, что дышать нечем. А в окнах никогда уже не забрезжит предрассветный серый сумрак – неотвязный спутник всех кошмарных событий ее прежней жизни.

И все ведь почти сбылось!

В окна теперь постоянно заглядывало солнце. Даже в пасмурный день, что вообще им чудом казалось. В доме теперь почти всегда пахло пирогами и сухими травами, потому что Виктор любил летом заготавливать впрок и составлять какие-то сложные травяные чаи. Стены они выкрасили оранжевым и салатным, а весь изъеденный трещинами потолок Виктор облицевал бамбуком.

Это было дорого, и им пришлось пару месяцев сидеть на картошке и гречневой каше, но это того стоило.

Потом придирчиво выбирались и приобретались ковры и занавески. Полки в старом отреставрированном Виктором буфете обрастали дорогой посудой. На втором этаже появился его кабинет с хорошим компьютером и большущим кожаным креслом, в котором они помещались вдвоем. Из спальни была выброшена скрипучая родительская кровать с металлическими спинками, с которых постоянно – крась их, не крась – сползала краска. И место ее занял громадный по ширине и толщине новый матрас, помещенный Виктором в им же сконструированную и сделанную собственноручно кро-

вать красного дерева.

– Покрывало на него, малыш, сделаешь сама! – решил он, полируя последний раз дерево. – Покупать – это неинтересно! В купленных вещах нет частички твоей души. Важно – создать самому и создавать это с искренней любовью...

И они постоянно что-то создавали, начиная от мебели, покрывал и салфеток и заканчивая отношениями. Их они тоже создавали: любовно, кропотливо, не торопясь, придирчиво анализируя каждый промах, с тем, чтобы потом его не повторить.

– Ты – моя женщина, – сказал он ей как-то в самом начале. – Я это понял сразу. И менять тебя на кого-то я уже никогда не захочу. А хорошо нам будет рядом друг с другом или плохо, это уже зависит от нас. И это в наших с тобой руках. Будем стараться, малыш!

И они старались, очень старались быть счастливыми. Именно быть, а не казаться.

– Ты знаешь, – сказал ей как-то Виктор летним вечером, заслушавшись сверчка за старой бабкиной печью, – счастье – это такая эфемерная штука, что рассмотреть его не всегда возможно.

– Выход есть? – поинтересовалась она, про себя подсчитывая стрекотанье сверчка.

Она загадала, что, если он прострекочет сто раз без перерыва, они с Виктором никогда не расстанутся.

– Выход? – Он потерся щекой о ее плечо, прижал покреп-

че, накинуд ей на ноги вечно сползающее с нее одеяло. – Конечно, есть, малыш. Счастье надо просто искать с утра до вечера. И находить его в самом неожиданном и прозаичном. Вот ты улыбнулась мне с утра, уже счастье. Пирог тебе удался, ты довольна, горда, это тоже счастье. Успела на последний автобус, опять счастье, потому что я тебя встречу на остановке, мы пойдем домой, где стол накрыт к ужину, который я для нас приготовил. Свечи горят, дрова в печи потрескивают... Это замечательно! И важно это не проморгать!

– А вдруг не получится не проморгать? – Вика нахмурилась, противный сверчок умолк на восьмидесяти семи. – Что тогда?

– Все получится, – успокоил ее Виктор. – Главное, не спешить, не суетиться, не расплытаться на то, что кажется важным, а на самом деле гроша ломаного не стоит. И все тогда будет хорошо, малыш...

У них все будет хорошо! И это хорошо никогда не закончится, потому что они что-то хорошее найдут даже в плохом.

Нашли же они добрую примету в череде всех последних увольнений Виктора? Нашли! Он сумел отремонтировать крышу за время, что был не занят. Летом выкорчевал засохшие плодовые деревья и разбил новый сад. Потом, ближе к осени, ему вздумалось в дальнем углу участка вырыть пруд, и снова у него все получилось. И даже мальков туда запустил, отправившись за ними за триста с лишним километров.

– Если бы работал, никогда бы этого не успел, – кивал

он, с наслаждением оглядывая результаты своих трудов. – А работа... Она так или иначе найдется.

Работа нашлась. Крупная строительная фирма, потерявшая недавно своего главного программиста из-за его вечных запоев, взяла Виктора с испытательным трехмесячным сроком. Генеральный директор, просматривая трудовую книжку, заметил, правда, что за последний год Виктор очень уж часто менял работу. А если быть точным, то увольнялся Виктор шесть раз, но все равно подписал ему заявление о приеме на работу.

Хорошо, что так, а то пришлось бы просить Боброва. Вика со вздохом послала в сугроб попавшую под каблук ледышку. Просить его ей жутко не хотелось. Не потому, что Николай Алексеевич мог ей отказать. Он не отказал бы стопроцентно, он почти никогда никому ни в чем не отказывал, всегда находил возможность и способ помочь. А потому, что Вика не любила и не умела просить. И очень сложно быть потом кому-то обязанной, тем более Боброву. Он хоть и очень хороший человек, но в последнее время стал посматривать на нее как-то странно. Как-то так, что ей вдруг хотелось поправить юбку или проверить, все ли пуговицы на блузке застегнуты.

Непривычно он стал смотреть на нее в последнее время, одним словом, и это если не настораживало, то от просьб воздерживало.

Слава богу, что Виктор все же устроился, слава богу!..
– Дорогой, ты дома?!

Она еще издали заметила в окнах кухни свет и, подойдя поближе к дому, рассмотрела через штору мечущуюся по комнате тень.

– Что-то случилось?!

Ее вопросы застигли его на полпути от плиты к столу, куда он тащил казан с пловом.

– Почему непременно что-то должно случиться, малыш? – неуверенно ответил он вопросом на вопрос, осторожно поставил казан в центр стола и открыл крышку. – Пахнет восхитительно. Давай раздевайся, мой руки, станем ужинать. Ну? Ты чего застыла, Викуля?

– Ты не работал сегодня? Почему?

Она все еще стояла, не двигаясь, на пороге кухни, как пришла с улицы: в шубке, шапке, с сумкой в одной руке и перчатками в другой.

– С чего ты взяла, что я не работал? – с незнакомым вызовом отозвался Виктор.

– Сейчас восемнадцать ноль-ноль, в это время твой рабочий день должен был только закончиться. Минимум полчаса на дорогу... А ты успел уже и плов приготовить, это еще два часа. Стало быть, дома ты с половины четвертого, то есть твой рабочий день закончился в три! Как это может быть, Витя?

– Я что-то не пойму, малыш, ты меня пытаешься в чем-то упрекнуть? – Уголки его рта обиженно опустились.

– Нет! Нет, конечно же! Я просто волнуюсь! – Она швыр-

нула сумку и перчатки на пол и, шагнув к нему, обвила его шею руками и прошептала: – Я просто ужасно за тебя волнуюсь!

– У-у, дурачок! – Он с нежностью коснулся ее щеки губами. – Никогда не волновалась, а тут вдруг... Почему?

Вика и сама не знала ответа. Отвратительное, почти стершееся из памяти беспокойство вдруг начало тянуть внутри, да ощутимо так, почти болезненно. И внимания бы на него не обратить, да Вика еще по прошлой своей жизни знала, что если беспокойство это мерзкое начинало так вот гадко напоминать о себе, то добра не жди.

– Так, прекратить немедленно хмурить брови. Улыбаться! Я заказываю, приказываю и все такое... – пытался балагурить Виктор за ужином, но глаза его все же выдавали.

Вика любила его и слишком хорошо разбиралась в перепадах настроения Виктора, чтобы не понять – его что-то сильно тревожит. И даже больше: Виктор как будто чего-то боялся! Не просто же так он вытянул шею и напряженно стал прислушиваться, когда неподалеку от их дома притормозила машина и следом раздался грубый мужской хохот. Потом он отказал себе в удовольствии выкурить перед сном сигарету на крыльце. А он всегда так делал! Каждый вечер день за днем все эти два года, что они были вместе, он набрасывал на плечи старенькую куртку и выходил на крыльцо, а тут вдруг присел возле печки на крохотной скамейке.

Печь они топили крайне редко, только когда хотелось

треск сгорающих поленьев послушать, газ давно был проведен в дом. Случалось это обычно в выходные дни, сегодня день рабочий, и печное жерло было пустым, холодным и черным, а он все равно уселся на скамейке и выкурил подряд две сигареты, стряхивая пепел прямо себе под ноги.

Потом он сам проверил все запоры на двери, хотя всегда это делала она, а Виктор в это время сидел за компьютером в своем кабинете. Плотнее задвинул занавески, потушил свет и тут же позвал ее в спальню, хотя она собиралась почитать.

И даже любил он ее сегодня как-то настороженно, будто спугнуть боялся. И снова все к чему-то прислушивался.

– Прости меня, – вдруг прошептал он через десять минут после того, как все закончилось. – Ты ведь не спишь, я слышу.

– Не сплю, – призналась она. – Но я не обиделась, Витя, я просто очень встревожена!

– Я тоже, – последовал его короткий ответ.

– Да?!

Она приподнялась на локте и попыталась рассмотреть его лицо в темноте. Бесполезно! Виктор очень старался, занавешивая окна. А когда она потянулась к ночнику, остановил ее:

– Не включай, малыш, пожалуйста!

– Хорошо, – она прижалась к его боку и погладила по плечу. – Расскажешь?

– Да, хотя... – Его плечо под ее ладонью дважды приподнялось и опустилось. – Хотя и рассказывать-то особо нечего.

Глупость какая-то!

– И?

– Представляешь, мне сегодня с утра показалось, что за мной кто-то следит, – проговорил он почему-то шепотом.

– Как это?! Как это показалось?! – Вика ничего не могла понять и принялась рассуждать с горячностью: – Кому это нужно?! Ты же не агент какой-нибудь! Не сын миллионера, чтобы тебя могли похитить с целью выкупа! И даже не тайный олигарх, спрятавшийся от своих кредиторов! Зачем кому-то за тобой следить, милый? Ты что, конкретно кого-то заметил?

– Нет, – он тяжело и протяжно вздохнул. – Не заметил, но ощущение... Знаешь, неприятное такое ощущение, будто кто-то взглядом сверлит тебе затылок! А когда оборачивался, показалось, что кто-то стремительно отпрянул за торговую палатку, другой раз за угол здания.

– Я уверена, что тебе показалось! – воскликнула Вика, немного успокаиваясь. – Это просто нервы! Ты так долго искал работу, что теперь...

– Я не говорил тебе, милая... – перебил ее внезапно Виктор, судорожно хватая ее руку и сжимая в своей. – Я не говорил тебе никогда, не рассказывал... В общем... Мои многократные увольнения с фирм, они не были случайными...

Глава 3

Они встретились, как будто нарочно кем-то это было подстроено, на площадке лестницы между вторым и третьим этажами.

Почему именно там-то, а? Почему не в конторе, где народу полно и говорить так откровенно ни один из них не смог бы? Переглянулись бы многозначительно, поморгали, а потом время для важного разговора было бы упущено. И все прошло бы...

Почему не в столовой на первом этаже, где народу еще больше? Почему не на выходе из здания, не на улице, где так же многолюдно? Почему непременно на лестнице-то, где ни единой души нет, кроме их двоих?

А-а, это его величество случай погнал их сюда, точно! Одного на третий этаж отправил за бумагами, а другого на второй с бумагами. Вывел одного из пункта А, другого – из пункта В, как два поезда в школьной задаче, сам притаился на перилах – его гнусное величество – и выжидательно затих.

И вот в точке С эти двое пересеклись. Одного случай поставил на лестничную площадку, второго остановил ниже на три ступеньки. Понятно, что тот, кто стоял выше, получил преимущество. И он сразу это почувствовал и усмехнулся победно.

И почему, как назло, ни единой души не сновало в этот

момент? Почему никто не спускался и не поднимался, предпочтя как раз сейчас сидеть на своем рабочем месте? Что, всем сразу приспичило кофе пить, или пасьянс раскладывать, или в самом деле поработать решили как раз в эту самую минуту?..

– Ну, привет-привет... – с вызовом поздоровался тот, что стоял выше.

– Привет, – второй был одного с ним роста, но проклятые три ступеньки опускали его, делая много ниже.

– И что мы тут делаем? – Он потряс в воздухе ворохом бумаг. – Делаем вид или как?

– Мы тут работаем! – запальчиво отозвался тот, что стоял ниже, и спрятал руки за спину.

Бумаги ему еще только следовало на третьем этаже забрать, так что занять руки было нечем. Не в карманы же пиджака их совать, чтобы задницу обтянуть, как дурак?

– Работаем, стало быть!

Смотреть сверху было, конечно же, легче. И плешинка встретившегося на лестнице коллеги по работе хорошо просматривалась, и крупные капли пота на ней и пятна красные. Вся нервозность как на ладони! А тот нервничал, сомнений не было, нервничал и даже взгляд боялся поднимать. А зря! Если бы поднял глаза да присмотрелся, то понял бы, что не один он трусит, не один...

– И сколько наработал? – вздохнул тот, что был с бумагами.

– А ты? – Плешивая голова медленно поползла в плечи, как у черепахи. – Ты сколько? Не надо особо умничать, понятно?!

– Да я и не особо, я просто умничаю. Только вот не знаю, что мне делать дальше?..

– То есть?! – Испуганный взгляд все же преодолел расстояние в несколько ступенек за доли мгновения.

– Да вот думаю, умничать мне, как и раньше, молча или поделиться с кем-нибудь результатами своих размышлений? – И он, теперь уже сам не решаясь ловить взгляд собеседника, начал просматривать бумаги.

– Ишь ты! Смелый стал, да?! – Тот, что собирался пройти на третий этаж, вдруг слышал чьи-то шаги наверху и обрадованно встрепенулся. – А мне плевать, что ты осмелел!

– Да ну?! – Этот тоже слышал шаги наверху, но они стихли, значит, кто-то с четвертого на третий спустился или к туалетам прошел. – И не боишься, что я с кем-нибудь поделюсь своими соображениями?!

– А я даже не знаю, что ты там насоображал. – Улыбка человека, идущего на третий этаж, стала заискивающей.

– Все ты знаешь! Ты знаешь, что я знаю! – начал тот, что с бумагами, загибать пальцы. – А я знаю, что ты знаешь, что я знаю!

– И что?!

– А ничего! Тут так не получится! – Голос перестал быть просто строгим, он сделался жестким и угрожающим. – Хва-

тит уже, тебе не кажется?

– И что ты намерен делать?

– Я намерен все рассказать.

– Не надо! – взмолился человек с плешинкой в редких рудых волосах. – Не надо никому ничего рассказывать! Я прошу тебя! Я тогда просто пропаду!

– Ты уже пропал!

– Нет, нет, нет! – Тот замотал головой и даже сделал смелость подняться на одну ступеньку выше. – Не надо, прошу! Пока об этом никто не знает, все в порядке! А если кто узнает, то я пропал!!! Меня просто не станет!

– Тебя уже нет! – возразил его собеседник.

– Да не сгущай ты краски, пока ты молчишь, все в порядке. А если раскроешь рот, то...

– То что?! – И человек на площадке не выдержал и съездил ему по щеке бумажной охалкой. – Ты паскуда, ты это понимаешь?! Подлая, грязная мразь! Та девочка... Она могла бы жить, а ты!.. И ты еще призываешь меня к молчанию?! А двое парней, что полегли из-за тебя? Это как, тоже забыть?! –

– Что же мне теперь делать-то?! Удавиться, что ли?! – плаксиво произнес плешивый и еще поднялся на одну ступеньку, теперь они были почти вровень и даже слышали дыхание друг друга. – Мне тогда не жить в любом случае!!! Я же не могу на себя руки наложить только потому, что ты такой догадливый?! Слушай, а ты ведь доказать-то ничего не сможешь! Ничего!!!

От мерзкого липкого шепота человек на площадке едва не выронил бумаги из пальцев. Он отшатнулся и, ничего не ответив, пошел вниз по лестнице. Потом вдруг остановился, оглянулся на того – другого. Тот не уходил. Стоял и смотрел ему вслед. Странно смотрел, будто прямо в эту минуту на что-то решался. На что-то ужасное!

– Ты ошибаешься, скотина! Я все смогу доказать. И сделать мне это будет много проще, чем ты думаешь.

И он снова пошел вниз, решив, что избавился от мерзкого присутствия мерзкого мелкого человечка. Но ошибся! Снова ошибся, как ошибался много раз прежде. Суматошный визгливый вопрос опять настиг его уже почти перед входом на второй этаж.

– И что же мне теперь делать, а?! – В голосе звучали слезы. – Что?! У меня ведь нет выхода!

– Почему же? – Он все же решил оставить последнее слово за собой, поднял голову и, понимая, что делает что-то плохое и грешное, все равно посоветовал: – Ты собирался повеситься? Так я даю тебе добро!

– Повеситься? – Удавленный сип прервался сухим кашлем, потом снова продолжился. – Но это же грех!!

– Еще один ко всем твоим прежним.

– Но меня в церкви отпевать не станут!

– А ты недостойн даже к воротам храма подойти! – Опять грех, попенял он себе, но остановиться было трудно. – Ты не человек вовсе! Ты чудовище! И выход у тебя один – исчез-

нуть с этой земли!

– А ты?! Ты потом как жить станешь?! – Тот все же захныкал вполне правдоподобно.

– Я? Я стану жить, как и прежде, честно!

– Прежде? Как же ты прежде жил честно, если знал и молчал? – ранил тот его его же оружием. – Ты же знал обо мне все и молчал!

– Не знал, а догадывался, – поправил он его с недовольной гримасой. – Теперь вот знаю!

– И молчать не станешь, – не спросил, а скорее черту подвел.

– Нет, не стану.

– Ну, смотри же! Смотри!.. Потом не вини никого, ты будешь во всем виноват! Только ты!..

Глава 4

– Аль, я не поеду туда! – И бумажный самолетик, пущенный его меткой рукой, точно спланировал на стол начальницы отдела.

Вообще-то ее звали Елена Ивановна, Алена то есть. А он настырно звал ее Аля. Она часто возмущалась, но переделать своего подчиненного, с которым пребывала в одном звании и в одном кабинете, не могла.

Ну, любил он коверкать женские имена, очень любил!

Нину называл Никой. Галю – Гагой. Олю – Лелей. Алену – Алей. Риту – Маргарином и так до бесконечности. А на вопрос, почему он это делает, ответил как-то, что, поскольку женщины регулярно коверкают ему жизнь, он станет регулярно коверкать их имена. Мстя такая вот маленькая у него была, у капитана оперативника Грибова Анатолия Анатольевича.

– Поедешь, Толя, еще как поедешь! – ровным спокойным голосом парировала Елена Ивановна и щелчком двух пальцев отослала самолетик точно ему на стол, благо тот стоял напротив.

– Ну, что я там забыл, Аль?! – снова заныл Грибов, подпирая рукой щеку и с тоской глядя на начальницу. – Какой-то придурок из-за бабы вздернулся, а я при чем? Пускай там прокуратура пошустрит, ну и...

– Ну и ты!

– Че сразу я-то?

– Потому что больше некому. Ребята на задержании, ты один шляешься по отделению без дела. Чего с утра к проституткам в обезьяннике приставал?

– Я не приставал, а учил их жизни! – возмутился Грибов.

– Жизни?! Ты?! Вместо того чтобы воспитывать их и наставлять на путь исправления... – Тут голос Елены Ивановны стал много жестче. – Ты что сделал, а?!

– Я наставлял их на путь железнодорожный. – Толя поморгал, будто ничего не понимая, сложил губы трубочкой.

– Вот именно! Ты рекомендовал им, причем настоятельно, сменить точку и перебраться с улицы Воропаева в район железнодорожного вокзала! Почему туда, Грибов?!

– Там не наш район, Аль, ты же знаешь, – он притворно вздохнул. – К тому же девки смогли бы там греться. Кипяток опять же там имеется, туалет. А то ведь жители улицы Воропаева криком кричат, все подъезды им девки изгадили.

– Дождешься у меня, Грибов! Напишу рапорт!

– Не напишешь. – Он опять переадресовал самолетик ей на стол.

– Почему это?! – Самолетик пришлось смять и выбросить в урну, иначе игрищам конца-краю не видать.

– Потому что я лучший. И ты меня, Аль, в глубине души уважаешь сильно. И еще потому, что знаешь, что если я сейчас поеду на этого, повесившегося в туалете, то раскрою это

дело за пятнадцать минут. Так ведь?

– Вот и поезжай! – Она раздраженно нахмурилась.

Вечно с этим Грибовым все не так! Другие ребята рта не раскроют, то есть в рот ей смотрят и каждое слово ловят, а этот больно много себе позволяет. Да, в одном звании они пребывают, да, должность начальника он ей уступил, да, однажды на задержании прикрыл ее собой и схлопотал ножом в предплечье, но...

Но она ведь потерпит его несносный характер, не так ли? Потерпит, потому что ему и правда равных не было в деле. Потому что не видать бы ей этой должности, если бы Грибов не отказался. Его ведь прочили, и только его! А коли он деликатно отказался, то пришлось выбор на ней остановить, больше назначать было некого.

– Считай это моим подарком, Аля, – важно заявил ей Грибов, когда они выходили в тот знаменательный для нее вечер из кабинета начальства. – Тебе ведь надо расти, вот и расти.

– А тебе не надо? – не поверила она, понять мотив его поступка она не смогла, как ни старалась.

– А чего мне с того назначения, Аль? Головняк один. Зарплата у нас с тобой только на пятьсот рублей разнится, а спрашивать-то с тебя будут, милая.

– А потом? Потом ведь мог дальше пойти, – нечаянно выдала она ему свои честолюбивые замыслы.

– Надеешься, что пойдешь? – Грибов невесело ухмыльнулся. – Ну, ну, надейся, Аля, надейся. Знаешь, сколько пу-

дов соли сожрать успеешь?..

Все понятно, конечно, было ей в его житейской философии, но все же в глубине души надеялась, что на этом ее карьерный рост не закончится и когда-нибудь она вырвется из этих стен и полезет по служебной лестнице наверх. А пока...

Пока приходилось препираться с противным Грибовым.

– Одна нога здесь, Толя, а вторая там. Давай отправляйся, машина ждет, ребята психуют наверняка!

– Ох, не можешь ты мне все же простить, что уступил тебе свой пост. Ох не можешь, Аля! – захныкал Грибов, двигаясь шаркающей стариковской походкой к двери.

– Что городишь-то? – не поняла она.

– Металась бы сейчас по городу, красота! Каждый день новые преступления, новые люди, новые трупы... – Тут он исправно поплевал через левое плечо, постучал по шкафу и продолжил: – А то приходится вот сидеть над отчетностью. Скукотища!

– Ничего, Грибов, – сложила Елена Ивановна губы в елеиную улыбочку. – Я тебе все новые трупы с барского плеча жалую. Забирай, не жалко! А в первую очередь этого несчастного.

– Да какой же он несчастный, Елена Ивановна!

Грибов в самом деле, видимо, разозлился несправедливости утверждения, раз назвал ее по имени-отчеству. Такое случалось либо при начальстве, либо когда он серчал на нее по-настоящему.

– А разве не несчастный? – Елена Ивановна полезла в стол за бланками. – Висит сейчас вот себе, остывает. А мог бы вечером с работы вернуться, между прочим, сегодня пятница. Семья небось ждет дома, жена любимая. Ты поезжай, Толик, узнай, какая у парня беда стряслась, что заставила его голову в петлю сунуть.

– И что, доложить тебе потом? – Он наморщил лоб, недоверчиво покрутив головой. – Ты станешь ждать меня здесь в пятницу с докладом и после работы даже задержишься из-за несчастного, если вдруг мы задержимся?

– Грибов!!! – возмутилась Елена и добавила с обидой: – Совсем дурак, да?! Издеваешься, да?! Знаешь же, что сегодня у Сашки моего день рождения!

Сашкой звался муж, дико ревнующий свою Елену и к самой работе, и ко всем ее сослуживцам. Каждая сверхурочная минута принималась им как личное оскорбление, и потом неделю-другую он с ребятами из отдела не здоровался. А видел он их каждый день, потому что привозил жену утром на работу. Затем гнев с него сходил, и Саша приветливо протягивал им длань для рукопожатия. До следующего ненормированного рабочего дня своей Елены Ивановны.

Сегодня у Саши был день рождения. Стало быть, он с утра дома, отпросился по такому случаю с работы. И в переднике и поварской косынке готовит праздничный семейный ужин. Лена готовить не умела вообще! Приготовление яичницы для нее было настоящим испытанием, так что у плиты при-

ходилось отдуваться Саше. И сегодня он должен был пре-
взойти самого себя. Он всегда старался это сделать, в каждый
праздник, а уж в собственный день рождения – тем более.

А Грибов предлагал Елене Ивановне задержаться после
работы! Это подлость или подвох?

– Ну почему сразу подлость, Аль? – Грибов полез в шкаф
за курткой. – А вдруг там в петле не псих, не несчастный
брошенный любовник, не программист обдолбанный, свих-
нувшийся на виртуальной любви, а вполне нормальный че-
ловек со следами насильственной смерти, а? Что скажешь?

– Ничего!

Елена сцепила зубы, чтобы не ругаться, понимала же, что
он специально ее провоцирует. Неохота ему на удавленника
ехать, вот и несет непонятно что. Будто сам не боится следы
эти самые обнаружить! Нужны они ему, ага!

– Вот именно, Аля, что сказать тебе нечего. – Грибов мед-
ленно вдел руки в рукава, повозился с «молнией», застегнул-
ся. – И понимаем мы оба, что висельник этот – пустяковый
случай, с которым... ну даже местный участковый разобрал-
ся бы! Это же не разбой, не убийство, не...

– Толь, ну что ты ноешь, а?! – воскликнула Елена, обнару-
жив пропущенное сообщение на мобильном от Сашки. – Ес-
ли бы этот хрен в собственной квартире удавился, не тронул
бы тебя никто! А то в офисе! Там переполох с самого обеда!

– Так он в обеденный перерыв, того... да? – И Грибов,
свесив голову набок, высунул язык и выразительно закатил

глаза. – Точно обед не понравился! Готовят ведь, сволочи, черт-те что, а люди страдают! Может, у парня слабая нервная система была, и он не выдержал непрожаренной котлеты, счел ее личным оскорблением или унижением своего личного достоинства. Выразил, так сказать, протест поварской халтуре! Записка была?

– Что? – Она отвлеклась, зачитавшись нежными SMS-фразами, присланными именинником.

– Записку посмертную наш удавленник оставил или нет?

– Ой, ну откуда я знаю, Грибов?! – всплеснула руками Елена. – Тебе давно уже пора быть на месте, а не рисовать тут страшилки про котлеты!

– Я, между прочим, версии отрабатываю, а не рисую страшилки! – попытался изобразить обиду Грибов, но тут же улыбнулся ехидно и кивком указал на телефон в ее руках. – Че пишет-то, скучает?

– Толя-а!!! – взревела Елена, не выдержав, замахала на него руками. – Пошел вон отсюда, живо! И через час максимум жду отчета!

– Через час доложить никак не успею. – Грибов быстро глянул на часы, было без четверти четыре. – Пока туда доедем, пока оттуда, придется все же тебе, Аля, задержаться сегодня.

– По телефону доложить, Грибов! – продолжала на него орать Елена. – По телефону! Когда ты наконец свалишь отсюда?!

Он выскочил за дверь пулей, потому что в него полетел толстенный автомобильный журнал, схваченный ею со стола Леньки Фомина.

В дежурной машине его уже заждались. Кто зевал, кто хмурился, рабочий день пятницы обещал затянуться. Тут еще Грибов выпендривается, не торопится.

А ему в самом деле торопиться было некуда. Его никто нигде не ждал. Жил он один, хотя в период с двадцати двух до тридцати лет и надеялся свить уютное семейное гнездышко. Очень надеялся, между прочим, очень! И старался изо всех сил, примеряя каждую знакомую девушку на роль супруги. Но как-то не пошло у него. То ее требования казались ему чрезвычайно завышенными, то его распорядок жизни не устраивал очередную избранницу.

Нет, ну как он мог при его собачьей работе приходить домой в восемнадцать тридцать? Как мог планировать выходные, отпуска? Они если и случались, то неожиданно как-то и в любой момент могли прерваться. Опять же недостаток денежных средств он не собирался взятками восполнять. При его работе ведь либо с отморозками общаешься, либо с пострадавшими. С кого тут брать-то?! И вообще поборами заниматься было совестно. А совесть у Грибова была. Он гордился ею потихоньку про себя и стерег от соблазнов. Может, потому и не любили его?..

Глава 5

Коллектив, с которым Грибову предстояло познакомиться, напоминал встревоженный улей. Все гудели, шипели, носились из угла в угол, задымили все лестничные пролеты, и, конечно же, толку от них не будет никакого. Так он почему-то сразу подумал, поймав на первом этаже перепуганную насмерть девушку и задав ей всего один вопрос. И вопрос-то был пустяковый, а она моментально голову в плечи вдавила, головой затрясла и начала мямлить, что ничего не видела, не слышала и знать ничего не знает ни о происшествии, ни о погибшем.

– Вы что же, и знакомы с ним не были? – не поверил Грибов, традиционно ухмыльнувшись, за такую вот ухмылку Елена Ивановна его просто ненавидела.

– Да когда же, если он только устроился недавно?! – вытаращила девушка серые глаза. – Может, пару раз столкнулись в коридоре.

– А обедали вместе?

– С какой стати?! – возмутилась она.

– А у вас обед у всех в разное время?

– Нет, не в разное, – девушка опустила голову.

– Обедаете где? Вижу, у вас тут столовая имеется для сотрудников. Там?

– Там... – Она тут же снова принялась защищаться. – Но

я никогда с ним не обедала. Он приходил или позже, или раньше, я его не видела, вот!

Понятно...

Грибов приуныл. Теперь все начнут твердить в один голос, что парень был новичком, ни с кем не контактировал, никого не знал и ел свой суп за своим столом из термоса, принесенного из дома.

Такое случалось. Люди зачастую, мгновенно оценив опасность, начинают отрешиваться от своих знакомств или контактов, лишь бы не быть запятнанными. Ну, ничего, что-нибудь он из этой серой гудящей массы да нацедит. А начнет, пожалуй, с руководящего звена. На труп вот только взглянет, экспертов послушает и еще тех, кто труп этот самый обнаружил.

Генеральный директор, когда Грибов к нему зашел, на него даже не взглянул. Как сидел в клубах сигаретного дыма, погруженный в чтение каких-то бумаг, так и продолжал сидеть.

– Здравсте, – раскланялся Грибов, медленно продвигаясь к столу директора, хотя приглашения и не получал. – Отвлечетесь, Вадим Сергеевич?

– А? – Тот дернул бычьей шеей, покрутил ею, потом ослабил узел галстука. – Вы из милиции?

– Да, – кротко ответил Грибов и растянул губы в улыбке. – С вами еще не беседовали?

– Нет. Пока нет. Хотя мне нечего сказать вам, – он недо-

вольно сморщился. – Приспичило этому засранцу...

– Позволите?

Анатолий потянул от стола переговоров стул за спинку. Уселся на него. Поиграл бровями.

– Как давно у вас работал...

Он наморщил лоб, будто пытался вспомнить, хотя уже знал, что погибшего звали Виктором.

– Виктор Сеницын, – подсказал с хмурым видом Вадим Сергеевич. – Его звали Виктор Сеницын.

– Точно! – обрадовался Грибов. – Сеницын! Так как давно он у вас работал?

– Чуть больше месяца, – генеральный нервно ткнул сигарету в переполненную пепельницу.

– Что можете сказать о нем как о сотруднике?

– Что могу сказать, что могу сказать? Нормальный... А если честно, то программист от бога. находка, а не сотрудник. Два раза повторять ничего не надо было. Если в выходной надо выйти поработать или задержаться – проблем никаких. И работу на дом брал, не считал, что приплачивать за это нужно. Одним словом, отличный работник.

– А как человек?

– Как человек?! – Генеральный хмыкнул многозначительно. – Мне ведь их личные качества, между нами, девочками, по барабану. Мне нужны квалифицированные сотрудники прежде всего. И некогда мне в их душах копать, если честно! Вы лучше с нашим психологом побеседуйте. Она там

тестированием всяким занимается, опросом... Глупая работа, считаю, но так решили акционеры, вот она и пристаёт к народу. К ней все вопросы, забыл, как вас по имени-отчеству?

– Анатолий Анатольевич, – подсказал Грибов, а он ведь и не представлялся, заведомо зная, что имени его никто запоминать не станет.

– Так что, Анатолий Анатольевич, к психологу все вопросы.

– Хорошо, спасибо. – Грибов поднялся со стула, пошел к двери, но потом притормозил. – Ну, а так, личное впечатление о Синицыне, Вадим Сергеевич?

– Да нормальный он мужик с виду! – крикнув, озадаченно выпалил тот. – Пришел, я с ним побеседовал. Мне он очень даже пришелся по душе. Глаз не отводит, говорит вроде бы искренне. Правда...

– Что?!

– Часто что-то увольняться ему приходилось.

– Как часто?

– Да за минувший год шесть раз место работы менял. Наши кадровики даже запаниковали, когда я заявление подписал. Глаза тут округляли, шипели! – Вадим Сергеевич побарабанил пальцами по столу, снова закрутив крепкой шеей. – Может, и правы были, черт его знает! Я вот на свое личное впечатление понадеялся! Оно ведь никогда прежде меня не подводило, а тут облажался...

Психологом в фирме оказалась женщина лет пятидесяти с ярким макияжем, который только прибавлял ей возраста. Представилась Нонной Андреевной и долго говорила на пространные темы, вовлекая Грибова в беседу. Тестировала его, понял Грибов минут через десять, жутко утомившись в ее душном кабинете.

– Виктор Синицын... – задумчиво произнесла она, сложив кончики пальцев перед собой. – На мой взгляд, адекватен и уравновешен. Причем весьма уравновешен. Производил впечатление порядочного, умного и грамотного человека. Его поступок полностью перечеркивает все мои представления... Понимаете, о чем я?

– Да уж конечно! – язвительно отозвался Анатолий, видимо, не произвел он на Нонну Андреевну должного впечатления. – На ваш взгляд, как психолога, что могло его заставить?..

– Именно заставить, Анатолий Анатольевич! Именно! – перебила она его. – Сам бы он никогда на такое не решился, мне кажется. Он был полон жизни, планов каких-то. Жениться собирался.

– Он не был женат?

– Официально нет, но уже продолжительное время жил в гражданском браке с Мальшиной Викторией. Прекрасная девушка, работает секретарем у одного очень уважаемого человека. Так вот Виктор недавно поделился со мной одним своим секретом.

– Секретом?

– Ну, или сюрпризом... Он готовил его для Виктории. – Нонна Андреевна печально улыбнулась. – Он собирался сделать ей официальное предложение и даже просил меня проконсультировать его.

– В вопросе?

– Покупка кольца! Он не знал, что может ей понравиться. Вот и просил у меня совета. Теперь понимаете, почему я в недоумении? – Она покачала головой, перегнулась к нему через стол и прошептала: – А это не было насильственной смертью, нет?

– Разберемся, – пообещал Грибов, а сам тут же насторожился.

Заполучить еще один висяк в лице этого висельника он совершенно не желал. Их и без того хватало! Да и не было оснований так думать, абсолютно никаких. Предварительное заключение эксперта служило тому подтверждением. На теле ни единого следа, указывающего на то, что Сеницына в петлю затащили насильно. К тому же хоть и кощунственно так говорить и думать, но, ко всеобщей радости, в кармане умершего отыскалась предсмертная записка.

«Я сам», – значилось в ней. Пускай она не была написана от руки, а была распечатана на принтере, но ведь на его – Сеницына – принтере, а не на чьем-нибудь. Это установили достаточно быстро, поскольку имелась характерная темная полоска прямо по центру листа. Картридж у Виктора в прин-

тере издыхал и замене подлежал в понедельник. Так что...

Так что все намеки Нонны Андреевны, хоть та и считала себя высококлассным психологом, были совершенно неуместны. И коллектив в общем и целом производил впечатление вполне нормальных людей. Синицына и знать-то никто из них не знал толком, чтобы у кого-то на его счет имелся мотив для убийства, тьфу-тьфу.

После короткого совещания с коллегами, которое они провели прямо в холле на первом этаже фирмы, Грибов совсем уже было собрался позвонить Елене Ивановне, когда внимание его привлекла девушка в сопровождении здорового парня.

Девушка сидела на скамейке возле стойки охранника, а парень топтался рядом.

– Это у нас кто? – обратился Грибов к охраннику, всячески содействующему опергруппе.

– Это его девушка! – прошептал тот, трагически округлив глаза.

– Чья девушка? – не понял Анатолий и сместил взгляд на здоровяка. – Этого качка?

– Да нет же! Синицына девушка! – чуть повысил голос охранник. – Ее вызвали, фирма, где она работает, в соседнем микрорайоне. Нонна ей позвонила и сообщила. Она приехала, когда труп уже увезли.

– И чего она тогда здесь сидит? – не понял Грибов.

По его разумению, девица должна была сейчас мчаться

вдогонку за телом любимого, а она сидит себе на скамеечке и с места не двигается.

– Да плохо ей было, нашатырь под нос совали, капли какие-то давали выпить. Теперь вот отходит.

– А-а, понятно.

И он тут же взял курс на парочку.

– Добрый день. – поздоровался Грибов, подходя к ним вплотную. – Старший оперуполномоченный Грибов Анатолий Анатольевич, вы можете сейчас говорить?

– Что? – Девушка вздрогнула и медленно подняла на него глаза. – Говорить? О чем?

– Вы девушка Виктора Сеницына? – Он даже за удостоверением в карман полез, настолько растерянным был ее взгляд.

– Она его жена, – поправил здоровенный парень, тут же представился и пояснил: – Гражданская жена... Мальвина Виктория. А я начальник охраны в фирме, где она работает. Нас вызвали звонком сюда.

– Вас или ее? – уточнил с глумливой ухмылкой Грибов.

Девушка была очень симпатичной, и проявленное сочувствие секьюрити стало Грибову вполне понятно.

– Вызвали ее, а я вызвался сопровождать, – набычился ментально тот, наверное, понял, куда клонит опер. – Нельзя же было ее одну отправлять в таком состоянии.

– Нельзя, – согласился Анатолий и присел рядом с Викторией на скамейку. – Как вы? Может, вам помощь врачей

требуется?

– Нет... – она очень медленно покачала головой. – Они же не вернут Витю, врачи ваши! И никто уже не вернет!

Логично, конечно, но не мешало бы ей снова понюхать нашатырь, слишком уж заторможенной она выглядела. Плакала бы там, билась в рыданиях, орала, теряла сознание или цеплялась за своего сопровождающего, оно понятно было бы и объяснимо вполне. Но так вот сидеть недвижимо, глядя в одну точку, и не реагировать ни на что...

Реакция малопредсказуемая, за ней могло последовать все, что угодно.

– Слушайте, Виктория, давайте выйдем на воздух, – предложил вдруг Грибов и, не дожидаясь ее согласия, потянул девушку за рукав шубки на улицу.

Ему важно было поговорить с ней. И поговорить именно сейчас, когда она еще не успела собраться с мыслями. Когда каждое ее слово будет откровением, не успев подвергнуться тщательнейшему анализу. Вот поговорит с ней, а потом уже и Елене станет звонить. Заждалась небось звонка от него, потому что ее именинник заждался.

На ступеньках под навесом кучковались сотрудники, курили и что-то вполголоса обсуждали. Тут не поговоришь. Пришлось пройти до стоянки машин. Там было безлюдно, зато ледяной ветер хлестал, будто сбесился. Ему, Грибову, что, он в теплой куртке с капюшоном, карманы опять же глубокие, руки сразу спрятал. А вот Виктория в распахнутой

шубке без шапки и перчаток промерзла до такой степени, что щеки посинели, но, кажется, даже не заметила этого. А этот оруженосец ее куда-то смылся деликатно! Пришлось Грибову застегивать на девушке шубку, поднять воротник повыше.

– Так-то лучше, Вика, – пробормотал он. – А то простуду схватите, а вам сейчас на ногах надо держаться.

– Зачем? – не поняла она.

– Затем, чтобы проводить своего мужа в последний путь, – произнес Грибов. – У него есть родственники?

– Тетка в Иркутске, – шепнула она, часто заморгав. – Она старая, вряд ли приедет. Далеко и дорого!

– Понятно... Скажите, Вика, вы не ссорились?

– Мы?! Да вы что?! Мы не умели это делать! У нас все было... Все было так... – Голос ее задрожал, и губы тоже, и сама она вдруг начала сотрясаться мелкой дрожью. – Все было так хорошо! Мы никогда не ругались, спорили и то редко. Мир, покой и согласие! Эти два года, что мы жили вместе, были самыми счастливыми для меня. Вам не понять, как такое может быть, да?

– Ну... Ну, почему же, я все понимаю, – осторожно заметил он, а в душе подсадовал.

А ведь не понимал он, что такое может быть, не понимал! У него вот лично всегда находился повод для мелкой склоки. Всегда было место неудовольствию. Что-то да не устраивало либо его, либо ту, которая находилась с ним рядом. Какая-то червоточинка всегда появлялась в их отношениях, которые

поначалу складывались вполне. И кончалось все только потому, что из крохотной червоточинка эта превращалась со временем в громадный уродливый нарыв. И происходило все это как-то стремительно. Уходило на все про все от месяца до полугода. А тут два года безоблачного счастья!

Грибову в самом деле понять и прочувствовать все это было сложно. И еще сложнее было понять, с чего это парень, будучи таким счастливым, вдруг в петлю полез. Может, его личное понятие счастья несколько разнилось с понятием счастья этой милой девушки? Как там у одной поэтессы: я придумала себе любовь и уверовать в нее сумела. Так, что ли, получается?

– Вряд ли вы поймете, – вдруг произнесла Виктория, глянув на него снизу вверх.

– Почему это?

Внутри у него тут же все вздыбилось возмущением, скажите пожалуйста, рожей он, что ли, не вышел?!

– Вы не производите впечатления счастливого человека, – грустным голосом ответила Виктория, пряча лицо в воротник, и пискнула потом оттуда: – Извините за прямоту.

А он тут же так разобиделся, так разобиделся, что едва сдержался от справедливого упрека.

«Чего же тогда, – хотелось ему сказать, – твой счастливый в петлю полез? От счастья величайшего? Или оттого, что таковым выглядел? Что заставило его поступить так с собой и с тобой заодно? Он же написал, что сам!..»

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – вдруг проговорила она, внимательно глядя на него.

– О чем же?

– Вы думаете, что я вру! Вру про наше с Витей счастье! Если бы он был со мной счастлив, думаете вы, он не сделал бы с собой такое...

Она заплакала, пряча лицо в воротник шубы.

– А как я должен думать? – грубее, чем нужно было, спросил Грибов.

Ему хотелось встряхнуть ее, да и злился немного из-за того, что все его мысли на физиономии отразились. Разгадала ведь? Без труда разгадала!

– Как угодно, но только не так! – всхлипывая, отозвалась Виктория. – Он не мог! Это не он!

– Это самоубийство, Виктория. Он написал предсмертную записку...

– Дайте мне ее прочесть! – потребовала она. – Я узнаю его почерк из сотни других!

– Он распечатал ее на принтере, – помявшись, признался Грибов. – На своем рабочем принтере.

– Это чудовищно! – Вика внезапно встряхнулась, откинула воротник от лица и округлила глаза. – Это же чудовищно, как вы не понимаете!!!

– Что я должен понять?

Грибов уже начал томиться от бессмысленности беседы. Может, он в их отношениях разобраться не смог, но уж то,

что у девицы вот-вот начнется истерика, понимал. Так что разговор пора было сворачивать.

Но она неожиданно удивила его здравостью своих суждений.

– Если имеется записка от Вити, то она должна быть адресована мне. Он никому, кроме меня, не мог ее адресовать. У него больше никого не было!

– Ну! Допустим. – Он начал замерзать.

– А мне Витя никогда бы не стал печатать записку на принтере. И уж точно назвал бы по имени. Или... малыш. Он так меня называл. – И она отвернулась, снова расплакавшись.

Ему, конечно, и жалко девушку было, и утешить ее ничем не мог. Разве объяснишь ей, раздавленной горем, что человек, собравшийся свести счеты с жизнью, мог и не думать о ней вовсе в ту самую роковую для себя минуту. Он мог думать о чем-то другом. Или, поддавшись какому-то сиюминутному порыву, отчаянию, мог вообще ни о чем не думать. Шлепнул по клавишам, состряпав короткое сообщение для милиции, и умер.

Грибов с таким сталкивался, и не раз. Для нее это было новым, страшным, оттого и непостижимым.

– Ладно, я все поняла, – повернувшись к нему, но не глядя на него, проговорила Виктория. – Вы не станете разбираться в причинах его смерти. Всем очень выгодно считать Витю самоубийцей. Поэтому... Поэтому мне вам больше нечего

добавить, прощайте...

И она пошла, сильно сгорбившись, к черному джипу, возле которого маячила фигура ее сопровождающего.

– Ты уже дома или на работе, Аля? – Грибов набрал номер мобильного Елены.

– Выхожу из здания, а что? – тут же насторожилась она. – Что-то есть?

– Да нет, все нормально, если можно так выразиться.

– Сам?

– Конечно, сам, а кто же еще мог в здании, полном народа, в петлю его сунуть и уйти незамеченным?! – фыркнул Грибов с чувством. – Уж побороться за свою жизнь парень должен был. Значит, пошуметь мог. А так никто ничего не слышал. От туалета этого, где он покончил жизнь самоубийством, до стойки охранника метров десять, не больше. Все видно и слышно должно быть.

– А никто не видел ничего и не слышал? – спросила Елена недоверчиво.

– Никто! Ничего!

– Так... Ясно... Послушай, если туалет неподалеку от вахты охраны, стало быть, туалет на первом этаже, правильно я поняла?

– Ох, вот не зря я уступил тебе свое место, не зря! – льстиво восхитился Грибов. – Ну, до того догадлива! На первом этаже, Аля, на первом.

– А окно там имеется?

– Имеется окно.

– Открыто было или закрыто?

– Окно-то? – Грибов хмыкнул, он тоже первым делом, между прочим, к окну тому сунулся. – Закрыто, милая. Окошко пластиковое, ручечка строго вниз. Заперто намертво.

– А кто его обнаружил?

– Мужчина, дорогая, его обнаружил. Не женщина же в мужской туалет пошла нужду справлять.

– Могла и уборщица туда зайти! Не умничай! – приструнила распоясавшегося подчиненного Елена Ивановна. – Если закончили там, то уезжай. И вот еще что, Толя... Хороших тебе выходных!

Это она ехидничала сейчас или от души пожелала?

Грибов озадачился. Она ведь знала обо всех его личных неудачах и знала, что выходные его грядущие могли быть только пустыми, серыми и неудобными, поскольку он сейчас пребывал в очередном поиске. И опять же, это он так всем говорил, на самом-то деле не искал пока никого. Решил отдохнуть немного, сил набраться и в желаниях своих немного определиться. Последняя дама сердца так и заявила ему, уходя с вещами: «Ты, Грибов, сначала определись, чего конкретно ты хочешь! И что конкретно можешь из того, что хочешь, определись!»

Нет, ни на какие его неудачи и промахи в сексе она, конечно же, не намекала. Вот в этом плане у Грибова все бы-

ло в полном порядке. Ему даже иногда скучно становилось от того, насколько все в порядке. Дамы в полном восторге пребывали, а он скучал. До автоматизма ведь все дошло, до отвратительного, скотского автоматизма. Как игрушка заведенная, ей-богу! Ни тебе страсти истинной, ни тебе нежности, как робот!

«Сам сначала научись любить!» – верещала еще одна чаровница, покидая его жилище.

Может, правда, во всем только он виноват, а? Он не способен на чувства, которые ищет в других? Вот и Виктория его хоть и не напрямую, но упрекнула в равнодушии. И думает, что ему выгодно считать ее жениха или мужа, кем он там ей приходился, самоубийцей.

Выгодно, нет, Грибов? Равнодушен он или нет к смерти Синицына Виктора, которого все считали вполне нормальным парнем?

– Нормальный он, как же! – проворчал Анатолий себе под нос, волоча ноги к служебной машине. – Чего же тогда этот нормальный шесть раз за год место работы менял? Фобия? А коли так, мог и в петлю сигануть, как нечего делать. Да пошли вы все...

Глава 6

– Коленька, не понимаю, чего ты психуешь?! – Маргарита выкатила на него водянистые глаза, обиженно задрожав тонкими губами. – Который день сам не свой! Случилось что-нибудь, да?

– Нет, – ответил он ей на последний вопрос резко, но твердо, чтобы больше не приставала.

– Чего тогда психуешь! – Ее голос начал набирать визгливые обороты. – Я денег у тебя просила еще несколько дней назад маме на лечение, а ты будто и не слышал вовсе!

– Маме? На лечение? – отозвался рассеянно Бобров, думая сейчас совершенно о другом.

– Маме, маме! – передразнила его Маргарита и улыбнулась примирительно. – Ну, что скажешь?

– А что скажу? – Он поднял на жену тяжелый взгляд. – Денег не дам.

– Как не дашь?

Его отказ, первый за всю их совместную жизнь отказ, явился для нее такой неожиданностью, что она невольно попятилась, натолкнулась на диван сзади и приземлилась на него неуклюже.

– Ты... Ты в своем уме, Николай?!

Она все еще на что-то надеялась и, прищурившись, принялась его внимательно рассматривать, может, заболел чело-

век, или просто худо ему, а она тут с просьбами пристаёт. Но нет, вроде все в порядке. Такой же лощеный и сытый, как неделю, месяц, год назад. Так же тверда походка, такой же уверенный взгляд. Что тогда за перемены в его к ней отношении?! Что еще за новости?! Он же никогда ей прежде не отказывал, никогда! Да что ей?! Он никому вообще не способен был отказать из-за своей излишней порядочности, помноженной на мягкотелость душевную.

Что тогда?

– Денег на маму больше не дам, – снова повторил Бобров, отходя подальше от Маргариты, ближе к балкону, еще сиганет кошкой, лицо расцарапает, ходи потом с синяками. – И тебе расходы сокращаю.

– Как сокращаешь?!

Маргарита схватилась за сердце, ахнув. Только Бобров на ее уловки не купился. Он вообще подозревал, что вместо сердца у его жены огромное, бездонное портмоне. И проявлять хоть какую-то сердечность Ритка была способна лишь тогда, когда это портмоне было под завязку набито купюрами. А когда портмоне пустело, то и чувства все остывали.

– Как сокращаешь, Коля, как?!

Она сдавила левую грудь с такой силой, что ему казалось, сейчас белая молочная плоть полезет сквозь ее холечные пальцы.

– Вдвое, Маргарита, сокращаю я тебе расходы. Ровно вдвое! Хозяйство ты не ведешь, его ведет наша домработни-

ца. Она и деньги на продукты получает, и отчет передо мной держит. А на всякие твои финтифлюшки... Уж уволь!

– Как уволить, Коленька?!

– По собственному желанию, – пошутил он неуместно и тут же снова стал серьезен. – В стране кризис, Маргарита. Думаешь, по мне не ударило?!

Не ударило ни черта, все у него с бизнесом было в полном порядке. Он умным был и предприимчивым. Заранее подстраховался, пока волнения еще только-только начались. Но Ритке-то об этом было знать совсем не обязательно, так ведь?

– Того и гляди – обанкротимся, а ты деньги маме! – продолжил возмущаться Бобров, заметив, что упоминание о кризисе супругу несколько отрезвило. – Не боишься, что завтра мы с тобой на улице окажемся, а? Не боишься, что детям образования не дадим? Или ты готова ради маминых прихотей благополучием собственных детей пожертвовать?

– Не готова, Коленька, не готова. – Ритка сложила руки на коленях и послушно закивала в такт своим словам. – Как скажешь, так и будет, милый. Я же не понимаю в бизнесе ничего. Ты не посвящал особо... Как скажешь, так и будет. Хорошо... А ты что, и вправду банкрот?!

В ее глазах сейчас стоял такой неподдельный ужас, что Боброву сделалось совестно.

– Не банкрот, конечно, но кто знает, что будет дальше, – поспешил он ее немного успокоить, но опять же с оговор-

кой: – Чего деньгами сорить! Да и деньги твоей маме наверняка не на лечение были нужны. Так ведь?

Ритка виновато потупила взор. Подергала плечами. Посидела, помолчав, потом встряхнулась, вспорхнула с дивана и через мгновение уже висела у него на шее.

– Миленький, ты ведь со всем справишься, правда? Ты же умный, талантливый, тебе любое дело по плечу! И ты нас никогда не бросишь!..

О последнем она не спрашивала. Последнее подразумевалось само собой. И, выговорившись, Ритка умчалась куда-то, оставив его наедине со своими крамольными мыслями.

А он ведь собирался их оставить! Еще как собирался!!! Если еще два дня назад мечты представлялись ему несбыточными, посещали его в редкие минуты одиночества и затишья, то теперь они обрели вполне реальную основу.

Виктория теперь свободна!!! Она абсолютно свободна от уз не успевшего узакониться брака. Свободна от Виктора своего малахольного, который скакал, скакал из фирмы в фирму, а потом решил угомониться таким вот отвратительным способом. Нет у нее теперь никаких ни перед кем обязательств, никаких!!!

И Бобров понял, что судьба посылает ему не просто шанс, она преподносит ему подарок, и не воспользоваться им он не имеет права.

Правда, стоило повременить. Если он сейчас вдруг начнет водить хороводы вокруг своей секретарши, это могут заме-

тить. Начнут строить догадки, соединять разрозненные концы всей этой скандальной истории. Могут ведь и милицию привлечь. А что? Запросто! И милиция эта сразу накопает, что за Виктором Сеницыным Иван Чаусов ездил и ходил тенью.

С какой такой целью, а? Зачем, спросят, вам занюханый программист понадобился? К жене его гражданской слабость питаете, не так ли? Конечно, он же мешал вам. А простите...

Не вы ли его угомонили, уважаемый, под шумок-то? Ведь принято считать: нет человека, нет проблем! А Виктор Сеницын в данном случае был для вас, Бобров Николай Алексеевич, проблемой. Еще какой проблемой он был! Он ведь мешал воплотить мечту в реальность? Мешал! Вика никогда бы не оставила его? Нет, конечно, потому что любила. Вот вы и поспешили избавиться от соперника.

Когда Бобров додумался до этого в день внезапной кончины мужа Виктории, то ему пришлось даже вызывать «неотложку». Давление подскочило.

Вдруг, метались его шальные мысли, кто Ваньку Чаусова рядом с фирмой видел?! Вдруг кто-то его присутствие там со смертью программиста свяжет? Вдруг Ваня потом на Боброва перстом укажет, что тогда?! А затем вдруг и вовсе подумал, что Чаусов, решив угодить своему начальству, взял и в самом деле прикончил Виктора Сеницына.

А что? Он может. Что ему стоило сигануть с улицы в туа-

лет да привязать хлипкую шейку программиста к трубе отопления! Это для его силищи – пара пустяков. А потом тем же путем вернуться обратно в машину.

И Бобров, не выдержав, вызвал Чаусова вечером к себе. Долго ходил вокруг да около, истомив бедного малого едва ли не до обморочного состояния. Тот сначала зевки подавлял, а затем уже зевал широко и с хрустом, не стесняясь.

– Слышь, Вань, а это случайно не ты его, а? – как бы невзначай обронил Бобров.

– Кого? – Парень даже не понял, о ком речь.

– Ну... Виктора этого случайно не ты удавил?

У того будто кто бетонную плиту перед носом с шестого этажа сбросил, настолько оторопелым он выглядел.

– Да вы что, Николай Алексеевич, в своем уме?? – зашипел он, забыв о субординации. – Чтобы я его?.. Да зачем мне?!

– Ну... Не знаю. Может, хотел мне угодить, – начал было мямлить Бобров, но, видя усиливающееся недоумение Ивана, быстро сменил направление: – Может, хотел сам, чтобы Вика оказалась свободной.

– Нужна мне ее свобода как рыбе зонтик! – взревел Чаусов, вскакивая со стула, и так пульнул его ногой в угол, что тот, хрястнув, развалился. – Вы с больной головы на здоровую не валите! Был ваш приказ следить за малым, я и следил. И исправно докладывал. – И тут вдруг Ваня сделал очень догадливое лицо и тихо спросил: – А что, вы хотели, чтобы я

его убил?

– Я?? – Бобров задохнулся, ухватившись за голову, в которой все стучало и тюкало. – Мне-то это зачем?!

– Но зачем-то вам понадобилось следить за ним! Зачем?

Чаусов говорил очень смелые и очень опасные вещи. Было видно, что он не боится его – Боброва. Не боится потерять работу. И вообще ничего не боится.

– Виктория вам нужна, так ведь, Николай Алексеевич? – хмыкнул здоровенный детина. – Да ради бога! Мне-то что! Только... Предупреждаю вас, хоть вы и мой работодатель: не смейте меня впутывать в ваши амурные дела.

– Ты что это себе позволяешь? – простонал Бобров слабым голосом. – Кто дал тебе право со мной так разговаривать?!

– А вам со мной? – нагло осклабился Чаусов.

И вот в этот самый момент Бобров понял, что он у Ивана на крючке. Да еще и на каком крючке!

– Ладно, ладно, не кипятись, – начал он примирительно и указал на другой стул. – Присядь-ка, пока еще не всю мебель тут разломал.

– Извините, – буркнул Чаусов, присаживаясь на другой стул. – Вычтите из зарплаты за поломку.

– И вычту! – начал было Бобров начальствующе, но тут же сдулся. – Ладно, разберемся. Ты вот что... Ничего подозрительного не видел, пока ждал его возле фирмы?

– Я? – Чаусов неуверенно пожал плечами. – А что я мог

там видеть-то, Николай Алексеевич? Я за входом наблюдал, Синицына караулил снаружи. Внутри меня не пускали.

– Ну а снаружи ничего не видел?

Бобров впился в малого взглядом. Не нравились ему его ответы, совсем не нравились. Что-то он видел! Точно что-то видел! Или знает о чем-то, или вообще замешан в этой страшной грязной истории и теперь станет его – Боброва – шантажировать. Вот дурак, связался!..

– А что там можно было видеть-то, Николай Алексеевич?

Он смотрел все время мимо Боброва, и тот сразу понял – врет. Врет Ваня как мерин сивый. Что-то скрывается за его невозмутимостью, то ли осведомленность какая-то, то ли тайная угроза его – бобровскому – благополучию.

Ладно, время покажет, что с ним дальше делать. Пока надо притихнуть. В любом случае этот качок ему не угроза.

– Значит, не видел ничего и никого? – еще раз на всякий случай уточнил он.

– Нет, – отчеканил Чаусов, поднимаясь с места. – Так я пойду?

– Иди, Ваня, иди...

Потом о возможной угрозе со стороны Чаусова как-то подзабылось, и Бобров все свои мысли сосредоточил на Виктории.

Вот о ком следовало печься, о ком заботиться. Тоже, конечно, с предельной осторожностью, но начинать следовало именно сейчас...

Он не знал, разумеется, что Чаусов, выйдя из его кабинета и спускаясь по лестнице, не выдержал и набрал номер своего армейского друга, с которым не виделся уже год.

– Здорово! – поприветствовал он его, как только услышал в трубке знакомый голос. – Как жизнь?

– Здорово! – Тот обрадовался, но про жизнь свою ничего не сказал, а спросил тут же: – Ну и чего тебе от меня понадобилось?

– Да вот... Кажется, я влип в неприятную историю, Серега.

– Что меня совершенно не удивляет. Из-за бабы?

– И да, и нет.

– Как это?

– Да баба, понимаешь, не моя.

– Опа! А чья же?!

– Да начальника моего! И не совсем даже его, а парня одного, а босс просто глаз на нее положил.

– Ну а ты тут при чем?! – удивился Сергей, попутно отдавая кому-то приказания.

– А при том, что он мне поручил за парнем этой бабы следить.

– Зачем?!

– Спроси его! Так вот, поручил мне следить за ним, я и следил. – Чаусов вздохнул, подходя к своей машине.

– Чего вздыхаешь? – насторожился сразу Сергей, зная, что заставить переживать Чаусова может не всякий.

– Да пока я следил за парнем, то есть торчал возле офиса, где он работал, парень сыграл в ящик.

– Опа! – уже тревожно воскликнул Сергей. – Сам сыграл или помогли?

– Вроде сам удавился на трубе отопления в туалете, но...

– Но тебе что-то не нравится, так?

– И не только мне!

– А кому еще?

– Моему боссу!

– Тому, что поручил тебе следить за парнем?

– Точно...

– И что же, он теперь поручает тебе найти возможного убийцу, что вставил шею парня в петлю? – попытался догадаться Серега.

– Если бы! – Иван сел за руль, поиграл ключами, захлопнул дверцу машины. – Он сейчас издалека так намекнул на то, что я будто бы проявил инициативу и парня удавил.

– Он что, идиот?! – Серега выругался матом. – Или чересчур мудрый?

– Скорее второе!

– Тебя-то что конкретно волнует, если знаешь, что ты тут ни при чем?! Видел, что ли, что?

– Ну!

– И че теперь?

– Да вот не знаю, в ментуру податься или самому попытаться разобраться в этом говне. – Иван завел машину. –

К ментам подашься, начнут доставать, че, мол, делал возле офиса и все такое. Бобра не сдашь, тот соскочит и меня подставит.

– Сто процентов! – Сергей зашуршал бумагами и снова отдал кому-то распоряжение, утробно посмеявшись.

– Ты че там, Серега, секретаршу свою лапаешь?! – разозлился Чаусов. – Тут у друга дело – дрянь, а он там... Да идите вы все!..

Глава 7

Суббота выдалась как раз такой, как он и ожидал. Серой, неуютной и холодной. Что неделю, что две недели назад, все одинаково!

Почему так?

Да потому что за окном почти на уровне его восьмого этажа висело сизое небо, не обещавшее и прорехи, в которую пробилось бы солнце. Магазин за углом, куда он метнулся утром за продуктами, оказался закрытым на учет, а тащиться за три квартала в другой не хотелось. Убирать в квартире, где по углам клубилась пыль, тоже не хотелось. А тут еще после обеда и отопление отключили, где-то что-то прорвало.

Чему было радоваться-то?

Вот Грибов и лежал на диване, укутавшись в подаренный теткой семь лет назад теплый плед из верблюжьей шерсти, и презирал себя тихонько за леность и нежелание хоть что-то изменить в своей жизни. Тупо смотрел в телевизор, тянул чашку за чашкой безвкусный дешевый чай, потому что другого не было, и с брезгливостью посматривал на свое запущенное жилище.

Так вот он и состарится в пыли и одиночестве! Будет ходить на службу. В выходные станет себя презирать и чахнуть от собственной никому ненужности. И лень ему будет что-то менять, чем-то заниматься. Потому что он...

Окончательный диагноз он поставить не успел. Позвонила Елена Ивановна.

– Чахнешь? – вздохнула она с пониманием. – Лежишь небось на диване, пялишься в ящик и жалеешь себя? В холодильнике пусто, в квартире не прибрано...

– Почему это не прибрано? – возмутился он. – Мне что, убрать квартиру трудно?

– Тебе не трудно, Грибов, тебе лень. – Елена рассмеялась. – Жениться тебе надо, барин!

– На ком?! – Грибов вздохнул тяжело. – Одни авантюристки, крохоборки и акулы, прости меня, Аль. Ты вот была одна путевая, и ту Сашка из-под носа увел. На ком жениться-то?!

– Ладно, не ной, есть одна девушка...

– Ой, только не начинай! – взвыл Грибов, своих знакомых девушек Елена поставляла ему контейнерами.

– Вот! Вот видишь, какой ты! – возмутилась она. – А носишь, что тебе одному плохо!

– Я не ною, – возразил со слабым вздохом Грибов. – И с чего ты взяла, что я сейчас один? Может, я...

– Вот именно, что может, – она снова рассмеялась. – Ладно, Сашка тебя на пирог приглашает. Приедешь?

– Нет, – ответил он поспешно.

– Почему? – Елена удивилась. – Занят, что ли?

– Конечно! Суббота, вечер, планов громадье!

– Врешь ты все, Грибов. Ладно, как знаешь. А вот Ленька Фомин, между прочим, уже к нам едет.

Грибов тут же с досады закусил губу. Тянули его за язык про планы несуществующие брякнуть. Если бы он знал с самого начала, что Ленька едет к ним в гости, он бы тоже не отказался. Теперь поздно. А может, и к лучшему, что не поедет. После их уютного семейного гнезда в свое жилище возвращаться будет совсем невмоготу. Уборку, что ли, сделать?..

И сделал ведь! Да так упирался, что даже в шкафу в кухне все стекла перемыл. И в магазин засобирался. В холодильнике мышь удавилась, пора было заполнять полки провизией. А там Леньке позвонить можно будет, он наверняка не откажется после посещения счастливого семейства к нему на огонек заглянуть.

Ленька отказался, сославшись на свидание. Но Грибов не стал унывать. Ничего, он и один как-нибудь вечер скоротает. Благо что отопление запустили, в квартире потеплело уже через час. Пол и мебель сверкали чистотой. В раковине ни единой грязной тарелки, сейчас еще продукты закупит, рассует по полкам холодильника...

Он уже подходил к дому, когда его окликнули.

– Анатолий Анатольевич Грибов, это вы?

Темная тень, метнувшаяся к нему от детских качелей в пяти метрах от подъезда, заставила его вздрогнуть от неожиданности. Голос был женским и незнакомым, что не могло не вдохновлять. Ну, вот, а он за субботний вечер переживал. Не придется коротать в одиночестве. Неужели Елена Ивановна

все-таки вопреки его запретам прислала свою подружку?

– Слушаю вас, – он открыл подъездную дверь. – Мы знакомы?

– И да, и нет.

Женщина была невысокой и все время прятала лицо в воротнике короткой шубки. Кажется...

Кажется, он начал узнавать ее. Похоже, это подружка повесившегося парня. Зовут ее, дай бог памяти, Виктория Мальина.

Что она здесь делает? Уж не его ли караулит? И если его караулит, то каким образом адрес узнать смогла?

– Связи, – односложно пояснила Виктория, когда Грибов задал ей вопрос. – Думаете, так трудно позвонить знакомым своих знакомых, навести о вас справки, узнать ваш домашний адрес?

– Думал, что не так легко. – Грибов почесал затылок. – Может, вас и номером моего мобильного снабдили?

– Нет, не снабдили, а то я позвонила бы непременно, прежде чем решилась прийти к вам.

– А с чего хоть решились-то? – Грибов суетливо потоптался на месте, шурша пакетами, потом предложил: – Слушайте, Виктория, вы ведь наверняка не спешите, может, зайдем ко мне? Не на улице же нам, в самом деле, разговаривать!

– Идемте, – не стала она отказываться. – На улице в самом деле неудобно.

Грибов проводил ее в комнату, мысленно похвалив себя

за наведенный в квартире порядок, а сам помчался в кухню разбирать пакеты с продуктами и ставить чайник. Надо же, и не думал, что вечер субботы выдастся именно таким.

– Виктория, вы не голодны? – спросил он на всякий случай, прокричав ей с кухни.

– Нет, спасибо, – отозвалась она так же громко.

– А чаю? Чаю выпьете со мной?

– Чаю можно...

Чай Грибов заваривать не умел. И не любил, если честно, все эти ритуальные приседания с ополаскиванием чайника, с распариванием листа, с добавлением потом кипятка. Он предпочитал просто бросать себе в чашку два пакетика чая.

– Мне тоже два, – попросила Вика, устроившись в его кухне. – Глаза слипаются после всего, просто сплю на ходу. Врачи говорят, что это пройдет. Результат стресса и все такое...

– Похоронили? – задал Грибов идиотский вопрос и тут же пожалел об этом.

И без того бледное лицо девушки сделалось синюшным. Губы задрожали, но она все же выдавила, хотя и с большим трудом:

– Не на земле же его было оставлять. Правда, в церковь не пустили... Поэтому...

– Поэтому что? – поторопил ее Грибов, смотреть на ее страдания и еще слушать, как она молчит и всхлипывает, было очень тяжело.

– Собственно, поэтому я и здесь! – закончила она наконец

и с вызовом глянула на него, мол, только попробуй счесть ее сумасшедшей. – Не потому, что вы ответственны за то, что его не отпевали в церкви, а потому, что он был... верующим человеком! И он никогда бы не допустил... Он не посмел бы никогда сотворить с собой подобное! Это же страшный грех, понимаете! Виктор чтит бога и старался жить праведно.

Ох, горе ты, горе! Откуда же тебе знать, бедная девочка, что пришло в тот момент твоему программисту в голову? О чем он думал, о чем печалился и чего боялся? Уж не о собственном грехопадении в тот момент он думал, стопроцентно. Что-то мучило его, угнетало, давило, постоянно напоминало о себе, и избавления от этого не было, вот в чем проблема. И эта проблема затмила все остальное, поэтому он и решил ее именно так. Именно таким вот изуверским способом поквитавшись с самим собой.

– Я вижу, вы мне не верите, – кивнула Вика, осторожно двигая чашкой по столу. – Оно и понятно, люди, решившиеся на самоубийство, редко удостоиваются сочувствия. А уж расследовать причины, заставившие их сотворить подобное, тем более никто не станет.

– Ну почему же. Существует наказание за доведение человека до самоубийства, но ведь, если я правильно понимаю ситуацию, ваш муж сознательно сделал это. Он в предсмертной записке написал об этом. Вы решили, что она слишком лаконична и что он не мог так написать, но...

– Да, понимаю, вы хотите сказать, что в такие моменты

не до романтических посланий, – она снова кивнула, двигая чашкой по кругу. – Пусть так, но... Но если даже он и сам ушел из жизни, то его довели до этого.

– У него были враги? – тут же зацепился Грибов.

Надо же было с чего-то начинать, а то она ходит вокруг да около да чашкой елозит по столу. Так можно до утра просидеть и ни до чего не договориться.

– Враги? Да... Не знаю... Но в последние дни Витя стал очень нервозен.

– Ему угрожали?

– Нет... Не знаю, дошло ли дело до угроз, но за ним следили!

– Вот как?

Грибов удивился. Он не ожидал, что судьба незадачливо-го программиста, поменявшего за последний год шесть мест работы, может кого-то интересовать.

– Может, это была его бывшая возлюбленная? У него ведь кто-то был до вас?

– Был, конечно. – Вика посмотрела на него, как на ребенка. – Но с чего это ей было ждать два года, прежде чем начать следить за ним? Нелогично!

– Нелогично. – согласился Грибов. – А кто мог следить за ним, он ничего по этому поводу не говорил? И как вы узнали о слежке?

– Кто мог следить, я не знаю. И Витя не знал. Это совершенно точно. Он просто занервничал и как-то решился по-

говорить со мной обо всех своих увольнении́ях. Начал с того, что он не просто так увольнялся или что-то в этом роде.

– А там что же, прослеживалась какая-то связь?

– Я не знаю! Он так и не договорил! Его отвлек телефонный звонок. Он с кем-то очень долго и нервно говорил по телефону...

– Звонок был на мобильный? – перебил ее Грибов, поне­многу увлекаясь.

– Нет, звонили на домашний. Кажется, из бара или рес­торана. Шумно было очень. Витя еще повторял фразы по несколько раз и говорил громко. Я потом его спросила, чего, мол, кричал-то. А он ответил, что звонили из кабака, плохо было слышно.

– А кто звонил, он не сказал?

– Нет, не сказал. Ушел от ответа, сославшись, что я этого человека не знаю.

– И к вопросу о своих увольнении́ях он больше не возвра­щался?

– Нет. – Вика мотнула головой, глянув на него несчастны­ми глазами. – Но то, что за ним кто-то следил, об этом он говорил потом неоднократно в течение всей недели.

– Стало быть, слезку он почувствовал за неделю до само­убийства? – уточнил Грибов.

– Да, за неделю до собственной смерти, – поправила его Виктория с недовольно поджатыми губами. И воскликнула потом: – Как вы не понимаете, тот человек, который ходил

за ним повсюду, мог его и убить!

– Или просто загнать его в угол, в петлю то есть. Вы ведь не знаете причины увольнения собственного мужа? Не знаете. – Грибов перестал быть лояльным и начал говорить жестко и прямо, как если бы говорил с ней в своем кабинете. – А почему вы думаете, что Виктор ваш был таким уж безупречным гражданином? Может быть, он сильно насолил кому-то. И этот кто-то начал его преследовать и требовать что-либо... Нервы у вашего Виктора не выдержали, вот он и...

– Нет. Это неправда. – Она вдруг так толкнула по столу чашку, что чай из нее расплескался, и коричневые кляксы расплзлись по клеенке. – Так говорить, значит, не знать его вовсе! Он был славным человеком! И порядочным! Очень порядочным! Если кто-то следил за ним, то с одной лишь целью!

– С какой?

Грибов успокоился окончательно. Хвалебных речей родственников преступников и потерпевших в их адрес он наслушался за свою жизнь предостаточно.

Виктория ведь могла и не знать о пакостях своего гражданского супруга, не так ли? Она даже о причинах его многократных увольнений не знала, деликатно воздерживаясь от вопросов, чего же говорить о чем-то более серьезном. И не исключено, что на самоубийство программиста могло толкнуть какое-то преступление, которое тот тщательно скрывал. И даже более того, Грибов теперь в этом был почти уверен.

Но...

Если этот парень напакостил в своей жизни так, что совесть его заглодала и загнала в петлю, то и... поделом ему. Кого еще винить-то?! Кого искать? Пострадавших от его же пакостных рук? Ну, допустим, найдет Грибов их, дальше-то что? Кому от этого станет легче?

– Мне! – выпалила Виктория, когда Грибов, не особо выбирая выражения, изложил ей свою точку зрения. – Мне станет легче, понимаете! Мне просто необходимо знать, кого именно я потеряла: мерзавца или святого! И я хочу...

Она снова замолчала, уставившись на Грибова умоляющими зелеными глазищами, в которых блестели слезы.

– Что вы хотите? – поторопил он ее недовольно.

– Чтобы вы мне в этом помогли, Анатолий! Иначе я просто не смогу жить, понимаете?! Я просто умру от этого! И... это уже будет на вашей совести. – И Вика заплакала.

Вот тебе и субботний вечер. Уж лучше бы Елена сосватала ему на эти выходные одну из своих знакомых, и он укатил бы с ней куда-нибудь за город, чем сидеть напротив симпатичной одинокой девушки – а она ведь нравилась ему – и понимать, что шансов у тебя с ней никаких абсолютно. Ни теперь, ни потом.

Ведь что получается, Грибов? Получается, что ты теперь должен в ущерб своему свободному от основной работы времени искать причины, загнавшие ее парня в петлю. Что ты от этого поймешь? Ровным счетом ничего, кроме возможных

неприятностей или ее благодарственного поцелуя в щеку.

Докажи он ей, что Виктор умер героем, она во вдовстве своем благородном еще пару лет станет страдать.

А ему что, ждать, что ли?

Докажи он, что Виктор был мудаком и умер, как мудака полный, она также будет страдать и раны душевные зализывать еще и того дольше.

А ему что же, снова ждать?

И ведь самое противное – отказать он ей теперь не может, так как девочка недвусмысленно дала понять: если что, ее смерть будет на его совести.

– Как вы себе представляете все это?! – начал он пыхтеть скорее по инерции, уже понимал, конечно, что влип. – Вы не знаете его друзей, его возможных врагов, не знаете причин его увольнений. Вы ничего не знаете! С чего мне начинать, Виктория?! И главное, когда мне этим заниматься? Официально – дела никакого нет, его смерть признана самоубийством, свидетельство тому судебно-медицинская экспертиза, предсмертная записка и многочисленные показания свидетелей. Вы понимаете, что в свое рабочее время я не смогу заниматься этим! Да я и вообще не смогу, потому что не вижу смысла!

– Вы возьмете отпуск, Анатолий. – Ее голос вдруг обрел необычайную силу, и слезы высохли. – Я вам компенсирую все затраты. Я заплачу вам, я не говорила? Извините! Конечно, я заплачу вам! Очень щедро заплачу! Мне нужна прав-

да... А начать вы можете не с его друзей, которых я и в самом деле не знаю, а с тех мест, где Витя успел поработать и откуда самым странным образом так быстро уволился. Вот список компаний, я переписала...

И она пододвинула к нему по столу небольшой листок бумаги с названиями фирм. Какие-то названия были Грибову знакомы, о каких-то фирмах он вообще ничего не слышал и не подозревал даже, что они существуют.

Грибов нервно свернул листок до размеров спичечного коробка и сунул в карман рубашки, искренне надеясь на то, что он ему не понадобится. Может, девочка передумает через день-другой, а?

– Он все время работал программистом?

– Я не знаю, скорее всего. – Виктория приложила ладони к глазам и заговорила с печалью: – Оказалось, что я так мало о нем знаю вообще. Мы любили друг друга, прожили бок о бок два года, до этого еще встречались... Я считала его родным человеком, и вдруг оказалось, что я почти ничего о нем не знаю. Наверное, программистом. Вам лучше узнать в фирмах, где он работал.

– А вы не можете посмотреть в его трудовой книжке? – напомнил Грибов, устав слушать про чужую любовь. – Это же проще простого.

Он к Елене сегодня не поехал только по причине того, что не желал наблюдать чужое счастье и ощущать себя рядом с ним совершенно старым и никому не нужным. Тут Виктория

на голову свалилась.

– Вы так считаете? – Она глянула на него из-под ладоней с легкой усмешкой. – Кто же мне его трудовую книжку отдаст, Анатолий Анатольевич? Вы, милиция то есть, не взяли, потому что не нужна она вам. А мне никто не отдаст. Так и станет пылиться в архиве у кадровиков.

– А почему? – не сразу понял он.

– Потому что в гражданском браке мы жили, без штампа в паспорте, оттого и прав никаких. Но вы не сомневайтесь, названия фирм, где Витя работал, я помню отлично. Здесь сбоев не будет.

Сбоить начало в другом месте и уже в самом начале трудовой недели.

Елена пришла на работу в понедельник мегера мегерой. Сходила на совещание к начальству, вернулась оттуда еще более мрачной и агрессивной, орала на всех подряд, включая Грибова. Затем, наоравшись вдоволь, потребовала письменных отчетов через час и ушла. А потом явилась в кабинет совершенно некстати, будто под дверь караулила. Грибов только-только номер телефона одной из контор, где работал Синицын, набрал, как тут Елена в дверь просочилась.

– Куда звонишь, Грибов?! – прицепилась она тут же, заподозрив его в бездельничанье.

– Да так, никуда, – он помахал трубкой в воздухе. – А че?

– Вот я тебе сейчас дам че!

Она пролетела по кабинету, выдрала у него из рук теле-

фонную трубку, послушала, потом вернула трубку на аппарат и заорала на него:

– Я тебе дала задание, Грибов?! Тебе непонятно, чем надо заниматься?! Зачем звонил в «Астру», а?! Зачем?! Кто тебе нужен был в отделе кадров?!

– Аль, хорош орать, – спокойно парировал Грибов. – Чего ты как с цепи сорвалась? Ну звонил в эту самую «Астру» и че с того?

– Зачем звонил? – проворчала она уже тише, возвращаясь к себе за стол. – Дел, что ли, других нету? У тебя кто там?

– Да никого уже. – Грибов обиженно надул губы.

– А кто был? – не отставала Елена.

– Ну, этот там работал, как его... – принялся невнятно бормотать Анатолий.

– Кто этот?! – снова зашипела Елена.

– Висельник этот. – Грибов сморщил лицо в улыбке, боясь смотреть в сторону своей начальницы. – Прикинь, шесть раз за год уволился человек!

– И что?! Тебе-то что до этого, Грибов?! – Ее голос снова начал набирать обороты. – Это самоубийство, Толя! Сказать по слогам?!

– До самоубийства тоже ведь можно довести, Аль, – начал он вяло сопротивляться, проклиная вечер субботы, когда дал слабину.

– Кто же его довести мог, Толя?! Бандиты виртуальные?! – Она сжала кулачки и замолотила ими по столу, повторяя: –

Не смей, не смей, слышишь! Работы невпроворот! Нагоняй за нагоняем, а он решил причины самоубийства поискать! Времени много, да?!

– Опять же за ним следили, и он об этом твердил всю неделю до своей смерти, – продолжил Грибов, будто и не слышал ее вовсе, и потянул из стопки лист белой бумаги для самолетки. – И еще сказал своей жене, что он не просто так уволялся шесть раз.

– Откуда ты знаешь?

Елена подозрительно прищурилась. Она тут же почувствовала тему, тоже ведь опером поработала не один год.

– Ты же звонил мне с места происшествия и сказал, что все чисто, никаких следов, эксперты подтвердили, свидетели тоже. Подтвердили, нет?

– Ну, подтвердили.

– Чего тогда ты сейчас пургу несешь, Толя? – Голос Елены сделался ядовито-вкрадчивым. – Что-то тебе не нравится, так? И покоя тебе не дает, и свербит в одном месте, так? И ты решил снова самодеятельностью заняться, так?

– Да я-то тут при чем?! – возмутился он совершенно искренне. – Это все она!

– Кто она?

– Жена его гражданская, Виктория Мальина. И список фирм мне подсунула тоже она. Вот он! – Грибов встряхнул, разворачивая список, и потряс им в воздухе. – Просто уверена, что он не сам того... дернулся.

– Так, постой, что-то я не пойму. А ты где с ней увидеться успел? На месте происшествия разговора у вас не получилось, сам сказал. Так когда?

– Ну, приходила она ко мне, приходила! Довольна?

У него просто все внутренности свело от того, какой обидой полыхнуло на него из глаз Елены. В гости зазывала – отказался, с подругой своей предлагала познакомиться – послал ее куда подальше вместе с подругой. А с пострадавшей чего же не встретиться? Почему нет?

– Не смотри на меня так, Аля, я во внерабочее время.

– Я уже поняла, – сказала она. – Мы его как дураки прождали, надеялись, что все-таки и приедет, а он тем временем... Она что, красивая?

– А ты что, ревнуешь? – Грибов заржал. – Все Сашке расскажу!

– Плевать мне на Сашку! – рявкнула Елена, но тут же прикусила язык, покосившись на дверь, и даже, кажется, голову в плечи вжала. – При чем тут Сашка?! Я тебя сколько раз с девчонками своими знакомила, он нос воротил! А тут с какой-то первой встречной... Нет, Грибов, ты все же мерзавец! Ты с кем связался, а?! И какое ты имеешь право вести расследование несуществующего дела?!

– Во внерабочее время имею полное право. – Он аккуратно загнул крыло бумажного самолетика и принялся его утюжить ребром ладони.

– То-то я и гляжу, ты в «Астру» в самый разгар рабочего

дня принялся звонить! И где оно у тебя, нерабочее время?! Где? И кому ведь помогать взялся?! Мои девчонки ему не пара, а с какой-то истеричкой он вечер субботы решил провести!

– Почему истеричкой? – удивился Грибов, с воодушевлением конструируя второе крыло.

– Да потому что, может, это она своего мужика в петлю своими истериками загнала, а теперь угрызениями совести мучается.

– Вот! Именно! – И он с удовольствием послал готовый аэроплан в ее сторону. – Именно поэтому я просто обязан разобраться во всей этой истории.

– А не потому, что она тебе понравилась? – не поверила Елена, тут же скомкала самолетик, швырнула в урну и пригрозила: – Валяй, чего же, но застукаю за этим на работе, шкуру спущу!

Глава 8

Зачем он снова ехал этим вечером к дому, где жила Виктория Мальина, он не знал.

Зачем?! Она же ему не нравилась даже. Ему всегда другие девчонки нравились: высокие, длинноногие, грудастые, и чтобы без затей там лишних и вопросов. А у Виктории этой все ведь не так! Все с точностью до наоборот. И ростом не вышла, ноги... Ладно, ноги прокатят, пропорциональны росту ноги ее, но опять же грудь могла бы быть и побольше. И умная чересчур. С такими Ивану всегда скучно делалось. Они заранее знали, о чем он думает, о чем сказать собирается, что сделает в тот или другой момент. Разве же это дело? Нет, морока одна. И бегал Чаусов от таких умниц, как черт от ладана.

А вот от Виктории убежать не смог. Который вечер караулил дом ее. Уже и Бобров задание давно с него снял, а он все равно продолжает слежку, будто по инерции.

С Бобровым вообще история интересная получается. Он как будто сторонится его, не вызывает, не звонит, задания через помощника передает, словно Чаусов виноват перед ним в чем-то. А в чем он виноват? Что разговор меж ними не очень простой вышел после гибели Виктора Синицына? Так мужской разговор был, поняли друг друга. Или он виноват в том, что за мужем Виктории не уследил?! Так не было

таких указаний, точно не было. Он бы, может, и вмешался в тот день. Хотя...

Хотя вряд ли. Разве мог он предположить тогда, глядя в окно своего джипа, что случайно подсмотренная им сцена вовсе не глупый розыгрыш? Конечно, не мог. Это уже потом состыковал все, сплюсовал, вычел, помножил и получил результат, а в тот момент ничего такого и не подумал.

Парня теперь вот нет в живых. Виктория по нему убивается. Чаусов продолжает слежку за ее домом, так как ему кажется, что он что-то видел в день смерти Виктора, а Бобров почему-то ведет себя очень странно и даже, можно сказать, подозрительно.

Ишь умник какой?! Не ты ли, говорит, Ваня, малого угомонил? И попер нести ахинею. А оно ему надо?! Это ему – Боброву – интересно было, чтобы Виктория вдовой заделалась. А Чаусову она без надобности. Ростом не вышла и мозгами... Куриными мозгами должна обладать женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.